

Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман

Перекресток версий

Роман Василия Гроссмана

«Жизнь и судьба»

**в литературно-политическом
контексте 1960-х – 2010-х годов**

Давид Фельдман

**Перекресток версий. Роман
Василия Гроссмана «Жизнь
и судьба» в литературно-
политическом контексте
1960-х – 2010-х годов**

«Неолит»

2017

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Фельдман Д. М.

Перекресток версий. Роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» в литературно-политическом контексте 1960-х – 2010-х годов / Д. М. Фельдман — «Неолит», 2017

ISBN 978-5-9909479-4-8

В. С. Гроссман – один из наиболее известных русских писателей XX века. В довоенные и послевоенные годы он оказался в эпицентре литературных и политических интриг, чудом избежав ареста. В 1961 году рукописи романа «Жизнь и судьба» конфискованы КГБ по распоряжению ЦК КПСС. Четверть века спустя, когда все же вышедшая за границы книга была переведена на европейские языки, пришла мировая слава. Однако интриги в связи с наследием писателя продолжились. Теперь не только советские. Авторы реконструируют биографию писателя, попутно устранив уже сложившиеся «мифы». При подготовке издания использованы документы Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности. Книга предназначена историкам, филологам, политологам, журналистам, а также всем интересующимся отечественной историей и литературой XX века.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9909479-4-8

© Фельдман Д. М., 2017

© Неолит, 2017

Содержание

От издательства	7
Часть I	8
Незамеченные уловки	8
Значимая параллель	11
Мнимое противоречие	14
Дело бездельника	17
Акция устрашения	21
Символ эпохи	27
Литература и право	32
«Перевертыши»	35
Обоснования приговора	38
Серия отречений	42
Опыт пресечения	45
Часть II	48
Без ведома и согласия	48
Асимметричный ответ	51
Новые загадки	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Юрий Геваргисович Бит-Юнан,
Давид Маркович Фельдман
Перекресток версий. Роман Василия
Гроссмана «Жизнь и судьба»
в литературно-политическом
контексте 1960-х – 2010-х годов**

© Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М., 2017

От издательства

Эта книга – третья часть монографии, посвященной жизни и творчеству В. С. Гроссмана, одного из наиболее известных русских писателей XX века.

Первая часть впервые опубликована нашим издательством в 2015 году. Там анализировались неисследованные проблемы биографии Гроссмана. Установлено, что он в довоенные и послевоенные годы оказался, можно сказать, в эпицентре литературных и политических интриг высших партийных функционеров. Ареста избежал чудом.

При исследовании биографических проблем авторы воссоздают историко-политический контекст сталинской эпохи. Речь идет о юности Гроссмана, его становлении как писателя, начальных этапах стремительной литературной карьеры и, наконец, интриге, связанной с романом о Сталинградской битве – «За правое дело».

Выпущенная нашим издательством в 2016 году вторая часть монографии – о создании романа «Жизнь и судьба». Его рукопись была конфискована сотрудниками КГБ СССР в феврале 1961 года.

Первое книжное издание гроссмановского романа вышло за границей почти двадцать лет спустя. С тех пор он переведен на европейские языки, многократно опубликован, признан классикой мировой литературы.

Историю создания романа «Жизнь и судьба» многократно описывали мемуаристы и литературоведы. Но, как доказали авторы данного исследования, она была «мифологизирована» – сообразно различным политическим установкам. То же самое можно сказать и о жизнеописаниях Гроссмана.

Автор романа, ныне признанного классикой мировой литературы, так и не увидел его напечатанным. Слава пришла через двадцать лет после смерти Гроссмана.

Третья часть предлагаемой вниманию читателей монографии – анализ истории публикации романа за границей и в СССР. Как доказывают исследователи, она тоже «мифологизирована» – сообразно политическому контексту.

В третьей части монографии авторы исследуют как историю публикации романа «Жизнь и судьба», так и ряд связанных с ней советских литературных скандалов, получивших международную известность. Особое внимание уделено проблемам, которые ранее считались решенными, – текстологии публикаций, полемическому характеру осмысления гроссмановского наследия и, соответственно, политическому контексту 1960-х-2010-х годов.

При подготовке этого издания использованы материалы Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности.

Часть I

Акции устрашения

Незамеченные уловки

История публикаций романа «Жизнь и судьба» не раз характеризовалась мемуаристами и литературоведами. Причем хронологически исходной точкой повествования всегда была дата первой отправки рукописи за границу.

Сначала и не могло быть иначе. Роман публиковался с 1975 года, но лишь девять лет спустя Войнович на Франкфуртской книжной ярмарке впервые рассказал журналистам, что это он изыскал способ отправить гроссмановскую рукопись заграничным издателям.

В печати не критиковали версию, предложенную Войновичем. Подразумевалось, что эмигрант не должен объяснять, от кого и когда он получил рукопись, если не был знаком с Гроссманом. Очевидными считались причины умолчания.

Мемуары Липкина о Гроссмане изданы в 1986 году. Но там по-прежнему не объяснялось, каким образом переправлен крамольный роман за границу и почему не попал туда раньше.

Более того, акцентировалось, что Липкин не имеет отношения к заграничным гроссмановским изданиям. Он еще и упрек сформулировал: «Было бы лучше, если бы люди, каким-то образом сохранившие роман, нашли в себе смелость позаботиться о рукописи раньше».

Свою версию Липкин, как выше отмечено, опроверг в 1989 году. Не без пафоса заявил в напечатанном парижской газетой послесловии к мемуарам: «Моя жизнь сложилась так, что ее, эту жизнь, новая эпоха гласности и демократии наполнила особенным светом. Я должен об этом рассказать, чтобы прояснилась загадка опубликования романа В. С. Гроссмана»¹.

Читатели-современники понимали, что имел в виду мемуарист, говоря о «новой эпохе гласности и демократии». Такое пропагандистское клише в СССР уже традиционно соотносилось с деятельностью М. С. Горбачева, четвертый год занимавшего пост генсека.

Затем Липкин напомнил, что в мемуарах упрекнул не решавшихся отправить гроссмановскую рукопись за границу. И пояснил: «Это был упрек самому себе».

Отсюда вроде бы следовало, что далее он укажет конкретные обстоятельства, из-за которых не нашел «в себе смелость позаботиться о рукописи раньше». И Липкин сообщил: «Я поместил несколько стихотворений, вполне безобидных, в машинописном альманахе «Метрополь». Авторы альманаха подверглись жестоким нападкам Союза писателей. Двух самых молодых, наименее защищенных, исключили из Союза. В знак протеста против расправы с молодыми я и моя жена, поэт Инна Лиснянская, вышли из Союза писателей».

Какими причинами обусловлены «жестokie нападки», кого исключили из ССП, только ли И. Л. Лиснянская и сам мемуарист протестовали – не сообщалось. Да и сам инцидент с альманахом «Метрополь» не датирован в послесловии, опубликованном парижской газетой.

Впрочем, он был еще памятен многим читателям: достаточно широко обсуждался в советской и эмигрантской прессе. Речь шла о проекте, инициаторами которого были В. П. Аксенов и В. В. Ерофеев. Затем к ним присоединился Е. А. Попов, а позже и другие².

¹ См.: Липкин С. Рукописи не горят. Как был спасен роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Русская мысль. 1989. 5 мая.

² См.: Ерофеев В. В. Время «Метрополя» // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР 1950-е – 1980-е. В 3 тт. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 3. С. 307–312; Дело «Метрополя». Стенограмма расширенного заседания секретариата МО СП СССР от 22 января 1979 года / Подгот. текста, публикация, вступ. статья и коммент. М. Заламбани // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 243–281.

Именно Ерофеев и Попов были исключены из ССП. Аксенов подал заявление о выходе из этой организации на следующий день.

Как известно, планировалось составить и выпустить альманах одновременно в СССР и за границей. Причем без цензуры. Руководство ССП не позволило реализовать проект, но уже оформленный художниками машинописный экземпляр – макет – удалось переправить через границу. Затем еще один. Первым книгу опубликовало американское издательство «Ардис» в 1979 году³.

Из послесловия к липкинским мемуарам следовало, что о проекте заграничного издания мемуарист не знал. Участвовал только в подготовке «машинописного альманаха», вот и воспринял «жестокие нападки» как незаслуженные, да и непредсказуемые. Это, конечно, не так.

Результаты были предсказуемы, а вот сама история весьма туманна. Ни один из написавших о «Метрополе» не объяснил, **на каком основании инициаторы проекта – советские литераторы-профессионалы – вдруг решили в конце 1970-х годов, что руководство Союза писателей не воспрепятствует изданию альманаха, составленного его участниками по собственному усмотрению, да еще и без контроля цензуры.**

К этой проблеме мы еще вернемся. А пока существенно, что Липкин рассказал, как на него и Лиснянскую «обрушилась лавина преследований. Исключили из Литературного фонда, выбросили из поликлиники (что в отношении меня было противозаконным актом, так как ветеранов войны из поликлиник не выбрасывают), перестали печатать не только наши оригинальные произведения, но и переводы, получившие в свое время высокую оценку на страницах печати. Были и другие прелести: угрозы по телефону, требования покинуть родину, посещения квартиры в наше отсутствие с нарочито оставленными следами, вызовы на комиссии, на которых с нами разговаривали компетентные лица».

Список «преследований» обозначал, во-первых, что мемуарист лишился всех доходов. Во-вторых, лишен был и привилегий, которыми пользовались литераторы, платившие взносы в элитарный профессиональный союз – Литературный фонд. Например, права на лечение в привилегированном медицинском учреждении – литфондовской поликлинике. А в-третьих, Липкин стал жертвой шантажа.

Точно ли так было – другой вопрос. Главное, Липкин отметил: «В этих условиях я не мог сообщить о книге Гроссмана то, что собираюсь сделать сейчас».

Разумеется, «сейчас» относилось ко времени заграничной публикации цитированного послесловия. Однако в СССР инцидент с альманахом был уже более двух лет как объявлен политической ошибкой предыдущего руководства. Соответственно, упомянутые, хотя и не названные мемуаристом «самые молодые, наименее защищенные» авторы «Метрополя» – Ерофеев и Попов – официально признаны «восстановленными в Союзе писателей».

Аналогично Липкин и Лиснянская были «восстановлены в Союзе писателей». Отнюдь не позже Ерофеева и Попова.

Не упоминая об этом, Липкин далее изложил свою версию «спасения» рукописи. А еще сообщил, что к нему Гроссман – незадолго до смерти – обратился с просьбой. Она воспроизведена текстуально: «Не хочу, чтоб мой гроб выставляли в Союзе писателей. Хочу, чтоб меня похоронили на Востряковском еврейском кладбище. Очень хочу, чтобы роман был издан – хотя бы за рубежом».

Сказал ли Гроссман такое, нет ли, уже не проверить. Важно, что мемуарист подчеркнул: «Третье завещание моего друга я выполнил, хотя и не сразу».

Значит, Липкин **«не сразу»** выполнил «третье завещание» из-за «лавины преследований». Вот и отметил: «И все же в конце 1974 года я принял серьезное решение. Я обратился к Владимиру Николаевичу Войновичу с просьбой помочь мне опубликовать роман Гроссмана.

³ См.: Метрополь. Литературный альманах / Сост. В. П. Аксенов и др. М.: Анн Арбор; Ардис, 1979.

Я выбрал для этой цели Войновича потому, что был с ним в дружеских, да еще и в соседских отношениях и знал, что у него есть опыт печатания за рубежом».

Немалый имелся опыт, и это было широко известно к 1989 году. Липкин по-прежнему ориентировался на фоновые знания читателей-современников. Ну а далее вкратце описал, каким образом Войнович готовил отправку рукописи за границу.

Все эти сюжеты – о прозорливости Липкина, предвидевшего обыск в квартире Гроссмана, «спасении» рукописи, помощи Войновича и конечной удаче – весьма эффектны. Они воспроизведены в последующих изданиях мемуаров, неоднократно пересказаны журналистами и литературоведами.

Но осталась словно бы незамеченной хронологическая несообразность.

«Лавина преследований» не могла обусловить «серьезное решение» Липкина – обратиться к Войновичу с просьбой оказать помощь в издании гроссмановского романа.

Тут вообще нет причинно-следственной связи. **Липкин, по его же словам, решил отправить гроссмановскую рукопись за границу «в конце 1974 года», а Ерофеев и Попов были исключены из ССП на пять лет позже.**

Значит, не к месту употреблен оборот «и все же», т. е. невзирая на указанные обстоятельства. Их не было в 1974 году.

Но Липкин не случайно использовал оборот «и все же», равным образом не датировал скандал из-за «Метрополя». Такие уловки позволили мемуаристу соотнести «лавины преследований» с его решением просить Войновича о помощи в издании гроссмановского романа.

Сюжеты объединены сообразно авторскому замыслу. Липкин отвлекал внимание читателей от проблемы, оставшейся за рамками обсуждения: **почему же он лишь тогда решил отправить рукопись за границу, когда минуло десять лет после смерти Гроссмана.**

Отвлечь удалось. **Проблема десятилетнего перерыва не ставилась.** Никогда.

Вероятно, поначалу сыграли главную роль соображения деликатности. Нет сведений о попытках журналистов и литературоведов расспросить Липкина, в силу каких причин он **десять лет** ждал, прежде чем решил отправить гроссмановскую рукопись за границу. Тут подразумевались бы обвинения в недостатке пресловутой смелости. А мемуарист их упредил.

Опубликованное парижской газетой послесловие к липкинским мемуарам вошло в книгу «Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа». Она и переиздается в таком составе.

Как говорится, прошли годы. Но так и не ставился вопрос о том, **почему рукопись гроссмановского романа была отправлена за границу лишь через десять лет после смерти автора.**

Казалось бы, вопрос этот сам собой подразумевался. Но оставался словно бы незамеченным. Как будто всегда так и происходило, хотя на самом деле – случай крайне редкий.

Уместно подчеркнуть: мы решаем проблему научную, а не этическую. Вот почему нам важно не только сказанное Липкиным, но и то, о чем он счел нужным умолчать. Нас интересует связь истории публикаций гроссмановского романа с литературными событиями периода, отделявшего арест рукописей от первой отправки утаенного экземпляра за границу.

Значимая параллель

Отметим, что каждый из мемуаристов, описывавших историю публикации романа «Жизнь и судьба», лишь по своему произволу упоминал хрестоматийно известные литературные события 1960-х-1970-х годов. Это проявление закономерности.

Вряд ли нужно доказывать, что история – в качестве нарратива – осмысливается как последовательность непосредственно относящихся к заявленной теме **значимых** событий. Если же повествователь не счел их таковыми либо по иным причинам не желал соотносить с прагматикой своего повествования, они и должны оказаться вне сферы внимания.

Так, в мемуарах Липкина нет упоминаний о литературных событиях в СССР, происшедших уже **после** смерти Гроссмана и еще **до** отправки за границу крамольной рукописи. Мемуарист не привлекал внимание читателей к тому, что было вне прагматики его повествования.

Но про одно из наиболее заметных литературных событий начала 1960-х годов рассказано немало – именно в связи с Гроссманом. Так, Липкин сообщил: «Однажды он позвал меня к себе и с ликованием, неожиданным для меня, дал мне рукопись. Это был рассказ, напечатанный с одним интервалом на папиросной бумаге. Имени автора не было, рассказ был озаглавлен каторжным номером зека. Я сел читать – и не мог и на миг оторваться от этих тоненьких помятых страничек. Читал с восторгом и болью».

Тут важно, что «с ликованием» была передана рукопись «на папиросной бумаге». Отнюдь не каждое литературное событие вызовет такие эмоции у литератора-профессионала. Читатели-современники должны были угадать, что имеется в виду – в силу хронологической заданности. И Липкин сразу же подтверждал догадку: «Гроссман то и дело подходил ко мне, заглядывал в глаза, восторгался моим восторгом. То был “Один день Ивана Денисовича”».

Липкин указал заглавие дебютной **повести** Солженицына. Так был определен жанр, когда рукопись готовилась к печати в «Новом мире». Опубликована же в ноябрьском номере 1962 года⁴.

Приведена в мемуарах и оценка прочитанной рукописи. Гроссман, согласно Липкину, «говорил: “Ты понимаешь, вдруг там, в загробном мире, в каторжном гноище рождается писатель. И не просто писатель, а зрелый, огромный талант. Кто у нас равен ему?”».

Получается, что Липкин читал повесть до публикации. А Гроссман, соответственно, еще раньше мемуариста. И тут особенно важно, что Липкиным описан экземпляр, напечатанный лично Солженицыным.

Описание использованной Солженицыным технологии копирования есть в его книге «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни». Впервые она издана за границей в 1975 году⁵.

Позже книга дополнялась, но описания самой работы и хранения готового материала оставались неизменными. Так, Солженицын подчеркивал, что самым важным считал «объем вещи – не творческий объем в авторских листах, а объем в кубических сантиметрах».

Соответственно, для машинописного копирования приобреталась тонкая бумага, расстояние между напечатанными строчками минимально возможное, полей на страницах почти нет, каждая использована с двух сторон. Как отметил Солженицын, по «этой программе пошел и роман “В круге первом”, и рассказ “Щ-854”, и сценарий “Знают истину танки”, не говоря о более ранних вещах».

⁴ См.: Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11. С. 3–96.

⁵ Здесь и далее цит. по: Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Paris: YMCA-PRESS, 1975.

Согласно Липкину, прочитанный «рассказ был озаглавлен каторжным номером». Значит, тем самым – «Щ-854». Новое заглавие рукопись получила уже в редакции «Нового мира».

Рукопись попала туда осенью 1961 года. Сначала ее получил старый лагерный друг автора, ставший известным переводчиком. Он в свою очередь передал знакомой сотруднице «Нового мира». И тут важна комплиментарная характеристика, данная Солженицыным: «Анна Самойловна Берзер сыграла главную роль в вознесении моего рассказа в руки Твардовского».

Она тогда была редактором в новомирском отделе прозы. Солженицын отметил, что о дальнейших событиях узнал гораздо позже – «так получилось (только не в тот год мне было рассказано). Долгохраняемая и затаенная моя рукопись пролежала на столе у А. Берзер целую неделю неприкрытая, даже не в папке, доступная любому стукачу или похитителю – Анну Самойловну не предупредили о свойствах этой вещи. Как-то А. С. начала расчищать стол, прочла несколько фраз – видит: и держать так нельзя, и читать надо не тут. Взяла домой, прочла вечером. Поразилась».

Тут и началась интрига. Солженицын описывал ее подробно: «Хорошо зная обстановку “Нового мира”, А. С. определила, что любой из членов редакционной коллегии, в ладу со своим пониманием благополучия журнала, непременно эту рукопись перехватит, зажмет, заглотнет, не даст ей дойти до Твардовского. Значит, надо было исхитриться перебросить рукопись через всех них, перешвырнуть через топь осторожности и трусости – и в первые руки угодить – Твардовскому. Но! – не отвратился бы он от рукописи из-за ее убогого слепого, сжатого вида. Попросила А. С. перепечатать за счет редакции».

Машинистки следовали требованиям редакционного стандарта. Он известен: бумага обычная, строки на странице печатаются через два интервала и т. п. Судя же по липкинскому описанию, мемуарист читал машинописный экземпляр «слепого, сжатого вида». Подчеркнем еще раз: **исходный**, лично Солженицыным напечатанный.

Однако Солженицын не сообщил, что передал рукопись Гроссману еще до ее публикации в «Новом мире». Это объяснимо: знакомы не были.

Солженицынский экземпляр рассказа «Щ-854» оставался у Берзер. Но в ее мемуарах нет сведений о том, что он был передан Гроссману.

Берзер готовила мемуары к публикации на исходе 1980-х годов. Мемуаристке тогда – за семьдесят. Ее роль в солженицынском дебюте известна была давно. И минуло более пятнадцати лет с тех пор, как ушла из редакции «Нового мира». Вроде бы нет уже причин скрывать, что передала исходную рукопись Гроссману.

Кстати, Берзер сочла нужным подчеркнуть, что ее Гроссман неоднократно расспрашивал о Солженицыне. Даже и незадолго до смерти. Воспроизвела его оценку повести: «Изумительная вещь».

Тут бы и упомянуть, что передала Гроссману рукопись, еще до публикации в «Новом мире». Хотя бы намекнуть. Однако в мемуарах Берзер нет и намека на это. Так же, как в солженицынских.

Получается, что ни Солженицын, ни Берзер не передавали рукопись Гроссману. Ту самую, где объем автором минимизирован. А другую Липкин и не упоминал.

Стоит отметить еще одно весьма странное обстоятельство. Липкин в мемуарах утверждал: «О Солженицыне более подробно Гроссман узнал от сотрудницы “Нового мира” Анны Самойловны Берзер. Он почему-то ждал, что Солженицын придет к нему, хотел встречи с ним. Но им так и не суждено было встретиться».

Оборот «почему-то» свидетельствует: мемуарист не знал, по какой причине Гроссман «ждал». Не сказано, что тот приглашал Солженицына.

Кстати, приглашение Гроссман мог бы передать через ту же Берзер. Ситуация обычная: маститый писатель зовет в гости младшего коллегу. Знак уважения. В таких случаях отказ

не прогнозируется. Но если не приглашал, но «ждал», тогда уместен вопрос о психической адекватности.

Обычно поведение Гроссмана было адекватно ситуации. А тут, если верить Липкину, что-то изменилось.

На самом деле – не менялось. Похоже, что историю о рукописи «на папиросной бумаге» и беспричинном ожидании визита Липкин выдумал, пытаясь обозначить преемственную связь Гроссман-Солженицын. К 1986 году оба писателя всемирно знамениты, имя каждого – символ противостояния советскому режиму.

Параллель тут подразумевалась. Из рассказа Липкина следовало, что Солженицын чуть ли не продолжил начатое Гроссманом.

Что до описания рукописи в липкинских мемуарах, так источник очевиден. Это цитированный выше фрагмент книги Солженицына «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни».

По словам Липкина, работу над мемуарами он завершал в 1980-е годы. И можно отметить, что к тому времени уже немало «тамиздатовских» экземпляров солженицынской книги было нелегально перевезено через советскую границу. Хватало и копий в «самиздате».

Солженицынскую книгу Липкин уже прочел, когда готовил к изданию свои мемуары. А берзеровские тогда еще не были опубликованы.

В мемуарах Липкина имена Берзер и Солженицына – рядом. И это не случайно. Контекстуально обозначена последовательность событий: рукопись на папиросной бумаге Гроссман получил от своей давней знакомой, сотрудницы «Нового мира», а потом другу почитать дал. Вроде бы все логично. Такое вполне могло бы произойти. Осталось лишь найти какое-либо документальное подтверждение.

Но при сопоставлении мемуаров Липкина и Берзер устанавливается, что та не передавала Гроссману исходную солженицынскую рукопись «на папиросной бумаге». Вот тут и выявляется несообразность.

Она бы осталась незамеченной, если б Липкин не увлекся нарративом. Слишком уж подробно характеризовал рукопись, якобы прочитанную в гроссмановской квартире.

Подчеркнем: из всего сказанного выше **не** следует, что Гроссман не обсуждал солженицынскую повесть с Липкиным. Возможно, обсуждение было. И восторженный отзыв тоже.

Если такое случилось, то вне связи с рукописью, переданной Солженицыным в редакцию «Нового мира». Прагматика же истории про чтение повести до публикации ясна: Липкин акцентировал, что от него у Гроссмана не было секретов.

Мнимое противоречие

Сюжетов подобного рода немало в мемуарах Липкина. Но существенно, что он пытался акцентировать значимость литературного события – повести Солженицына – в биографии Гроссмана. Настаивал: тот одним из первых оценил талант будущего нобелевского лауреата.

Берзер в мемуарах тоже сочла нужным подчеркнуть, что Гроссман не раз о Солженицыне расспрашивал. Возможно, так и было. А бесспорно, что для мемуаристики опубликованная «Новым миром» повесть – значимое событие в биографии Гроссмана.

Подчеркнем: не только в ней. Событие, можно сказать, мирового значения. В ноябре 1962 года Солженицын проснулся знаменитым.

Разумеется, это был триумф журнала. Тематику и проблематику новомирской публикации сочли тогда сенсационными как на родине автора, так и за границей. В центре повествования – крестьянин, бывший колхозник, солдат-окруженец, вышедший к своим, но безвинно осужденный. А главное, взгляд не со стороны. Лагерь – глазами узника: обыденность ужаса лагерной жизни, способность героя в нечеловеческих условиях оставаться человечным.

Об авторе тогда мало что было известно даже сотрудникам «Нового мира». Знали, только что перед войной Солженицын закончил физико-математический факультет университета в Ростове-на-Дону, фронтовик, офицер, беспартийный, арестован и осужден за «антисоветскую пропаганду», официально признан невиновным восемь лет спустя, ныне – школьный учитель.

Солженицын оказался весьма удачливым дебютантом. И это отнюдь не случайная удача. Все совпало – талант писателя и точный расчет математика: запросам новомирского редактора идеально соответствовали и тематика повести, и ее проблематика, и, разумеется, биография автора.

Крестьянский сын Твардовский, в юности отрекшийся от «раскулаченной» семьи, вину свою помнил, даже когда был прощен родственниками. Стремился искупить малодушие, печатал очерки и беллетристику, связанные с жизнью крестьянства. Магистральная новомирская тематика. А тут – повесть именно **о русском крестьянине**, его трудолюбии, доброте и честности. Подчеркнем еще раз: человечности в бесчеловечных условиях. И автор – вовсе не литератор-профессионал, даже не столичный житель, а учитель в провинциальной школе. Ко всему прочему, фронтовик, безвинно осужденный и годы спустя оправданный.

Все это учла и Берзер. Отнюдь не случайно обратился к ней старый лагерный друг Солженицына, выполняя его поручение: рукопись должна была сразу «в первые руки угодить».

Репутация Берзер уже давно сложилась в литературных кругах. Отменный литературный вкус, честность, доброжелательность, бескорыстие, а главное – упорство, с которым редактор отдела прозы добивалась, чтобы рукописи, ею сочтенные достойными, были опубликованы, вопреки ожидаемым препятствиям.

Вот и рукопись «Щ-854» пришлось готовить к сложным маневрам. Сначала Берзер обеспечила перепечатку. На что, по Солженицыну, понадобилось не так уж мало времени. А еще пришлось редактору ждать, «пока Твардовский вернется из очередного приступа своего запоя (несчастных запоев, а может быть, и спасительных, как я понял постепенно). Но главная трудность была – как заманеврировать членов редакции и прорваться к Твардовскому, который редко ее принимал и несправедливо не любил (то ли не оценивал ее художественного вкуса, трудолюбия и отдачи всей себя интересам журнала, то ли ревновал к авторам, которые все с ней дружили и постоянно толклись в отделе прозы)».

В общем, интрига долгая, сложная. Можно сказать, многоэтапная. Требующая осторожности, терпения, настойчивости.

Интрига удалась. По очереди Берзер опросила всех заместителей главреда, и они не заинтересовались рукописью: «лагерная тема». Вот тогда уместно было и к Твардовскому обратиться.

Как Солженицын подчеркнул, аргумент Берзер нашла лучший. Утверждала, что описывается «“лагерь глазами мужика, очень народная вещь”. Опять-таки, в шести словах нельзя было попасть точнее в сердце Твардовского!».

Заместители Твардовского, как предвидел Солженицын, воспротивились публикации. Но главред не согласился с ними. В январе 1961 года настаивал, что печатать можно и нужно.

Солженицынская повесть, как известно, опубликована после личного обращения Твардовского к Хрущеву. Имел право: с 1961 года у новомирского главреда статус был не только литературный – «кандидат в члены ЦК КПСС».

Неважно, Берзер ли сама придумала решающий аргумент, подсказал ли кто. Важно, что и Солженицын на такой подход надеялся. По его словам, «верная догадка-предчувствие у меня в том и была: к этому мужику Ивану Денисовичу не могут остаться равнодушны верхний мужик Александр Твардовский и верховой мужик Никита Хрущев».

В общем, «мужики» решения принимали. И Солженицын подчеркнул, что «не поэзия и даже не политика решили судьбу моего рассказа, а вот эта его dokonная мужицкая суть, столько у нас осмеянная, потоптанная и охаянная с Великого Перелома, да и поранее».

Солженицын удачно выбрал и время для обращения к Твардовскому. На XXII съезде КПСС Хрущев объявил, что продолжится «разоблачение культа личности Сталина», и вот, несколько месяцев спустя, в редакцию самого популярного журнала страны поступила рукопись, публикация которой подтвердила бы, что обещанное реализуется.

Триумф повести закономерен. Позже Солженицын характеризовал советскую лагерную систему куда более резко, но для начала 1960-х годов и дозировка идеальна. Сказано все, что можно было тогда сказать в печати, а запретное – четко обозначено.

В 1956 году такую повесть вряд ли пропустила бы цензура. Маловероятно, чтоб даже у Симонова получилось. Шесть лет спустя – в связи с XXII съездом КПСС – Твардовскому удалось. И статус у него был партийный, и Хрущев тогда добивал сталинский авторитет.

30 декабря 1962 года – двух месяцев не минуло после издания повести – Солженицын принят в ССР. А это давало триумфатору право жить исключительно литературными доходами, не работая постоянно на каком-нибудь предприятии либо в учреждении.

Однако триумф Солженицына и Твардовского не повлиял на судьбу гроссмановского романа. По-прежнему тот был под запретом.

Ямпольский в статье о Гроссмане осмыслил это как нелепость. Трагическую парадоксальную ситуацию, возможную только в «путаном обществе».

Берзер осмыслила это аналогично. Рассуждая о судьбе Гроссмана, акцентировала парадоксальность ситуации: «Ведь шли 60-е годы нашего века, счастливые для многих 60-е годы. Для него же они полны бед».

Суждениям Ямпольского и Берзер свойственна откровенная публицистичность, отсюда и акцентирование парадоксальности ситуации. Однако не исключено, что оба мемуариста осознавали: парадокса не было.

В обоих случаях – Гроссмана и Солженицына – налицо проявление закономерности. И проявлялась она, когда представители власти определяли пределы допустимого в литературе, исходя из соображений целесообразности.

Солженицынская повесть не отрицала советский режим в целом. Как таковой. Подразумевалась ее интерпретация в качестве осмысления «культа личности Сталина». Именно это и нужно было Хрущеву – в связи с XXII съездом КПСС.

Подчеркнем еще раз: общепринятым представлениям о предписанном и разрешенном в советской литературе солженицынская повесть не соответствовала. Но оставалась **в пределах**

допустимого, пусть и на грани. А потому была востребована как эффективный пропагандистский инструмент.

Роман Гроссмана показывал вопиющее несоответствие советского режима – идеологическим установкам, обеспечившим победоносное завершение гражданской войны. И Великой Отечественной тоже.

Гроссмановский роман оказался не только вне пределов разрешенного в литературе, но и **за гранью допустимого.** Тогда еще не было пропагандистской установки, обусловившей бы возможность его публикации.

Солженицын, как некогда Гроссман, в дебюте выиграл. И даже намного большего добился – мировой известности. А затем развивал успех. Слава росла.

Мировая слава и защитила писателя, когда через несколько лет он – уже посредством «самиздата» – распространял свои рукописи, отвергнутые редакциями. Запрещенное цензурой охотно печатали за границей, а ЦК партии все медлил с арестом Солженицына. Тот умело использовал пастернаковский опыт. Уголовное преследование в данном случае дискредитировало бы советский режим, ведь формально преступления не было.

Да, Солженицын, начав борьбу против советского режима, отчаянно рисковал. Но – лишь собою. Распалась семья, детей не было, родственников тоже.

Ничего с ним поделать не мог ЦК партии. Солженицын демонстративно пренебрегал всеми благами, что предоставлялись советским писателям. Оставалось только – официально и неофициально – грозить ему лишением свободы или жизни.

Именно жизни. Мало ли что могло бы произойти. Например, так называемое дорожно-транспортное происшествие: улицу переходил и случайно автомобилем сбит. Городская повседневность. Или стал бы жертвой нападения грабителей. Опять же статистически нередкий инцидент – «хулиганство»⁶.

Слухи о расправах подобного рода ходили по стране. А вполне достоверной считалась история гибели С. М. Михоэлса, убитого в 1948 году сотрудниками Министерства государственной безопасности – по личному приказу генсека. Она была подтверждена официально в разгар кампании по «разоблачению культа личности».

Да, сталинская эпоха завершилась. Но отсюда еще не следовало, что повторение инцидента невозможно. Солженицын об этом не раз говорил.

Можно сказать, что ему везло. Как известно, на исходе 1960-х годов советское руководство и его главный оппонент – правительство США – инициировали политику так называемой разрядки международной напряженности.

Попытки договориться предпринимали обе стороны. Ну а предметом торга, как водится, были действия в области «защиты прав человека».

С учетом такого фактора откладывалось решение задачи расправы с писателем. Но от нее вовсе не отказались в ЦК партии. Сотрудники КГБ следили за Солженицыным постоянно, чуть ли не напоказ, словно бы готовя арест или якобы случайное нападение «хулиганов».

Угрозы – лишить свободы или жизни – Солженицына не остановили: ставка оказалась приемлемой. Арест же или убийство, подчеркнем вновь, еще больше компрометировали бы советское правительство и способствовали бы росту популярности строптивого писателя. Он рисковал и выигрывал.

Гроссман тоже рискнул. Был готов лишиться свободы и жизни. Но до поры выигрывал Суслов. Потому что использовал технику заложничества.

⁶ См.: Фельдман Д. История «бакланки»: поэты, функционеры и советский уголовный кодекс // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 116–133.

Дело бездельника

Липкин акцентировал преемственную связь Гроссман-Солженицын. Аналогично и Берсер. Однако для сотрудницы «Нового мира» – судя по ее мемуарам – оказалось не менее важным еще одно событие, точнее, литературный скандал, последовавший за триумфом журнала. И это она также соотнесла с биографией Гроссмана. А Липкин – не упомянул.

Скандал тогда разразился громкий. 13 марта 1964 года районным судом в Ленинграде осужден двадцатитрехлетний поэт, будущий нобелевский лауреат И. А. Бродский.

Многие современники утверждали, что обвинительный приговор Бродскому знаменовал окончание хрущевской «оттепели». Впрочем, спор о границах этого периода заведомо непродуктивен.

Приговор же был сравнительно мягким – пятилетняя ссылка в северные районы страны, принудительные работы. За то, что Бродский «вел паразитический образ жизни»⁷.

Вне реалий эпохи обвинение выглядит абсурдно. Однако тогда оно было достаточным для привлечения к уголовной ответственности. Так, статья 12 принятой в 1936 году Конституции СССР гласила: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина...»⁸.

Речь шла отнюдь не о любой работе, приносящей доход работнику. Суть требования определялась понятием «общественно полезный труд».

Имелась в виду **обязанность** каждого гражданина работать на государство. Что и конкретизировалось принятым 4 мая 1961 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»⁹.

Едва ли не все, кто не работал на государство, оказались под угрозой привлечения к ответственности. Указ гласил: «Установить, что совершеннолетние трудоспособные граждане, не желающие выполнять важнейшую конституционную обязанность – честно трудиться по своим способностям, уклоняющиеся от общественно полезного труда, извлекающие нетрудовые доходы от эксплуатации земельных участков, автомашин, жилой площади или совершающие иные антиобщественные поступки, позволяющие им вести паразитический образ жизни, подвергаются по постановлению районного (городского) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения».

Прагматика тут ясна: совершеннолетний гражданин СССР обязан до пенсионного возраста работать на государство, даже если к этому не вынуждают финансовые обстоятельства. Указ – напоминание о базовой правовой установке «первого в мире социалистического государства».

Он, как известно, отражал изменения на рынке труда послесталинской эпохи. В контексте либерализации хрущевским правительством были отменены введенные на исходе 1930-х годов нормы права, запрещавшие увольнение советского гражданина с работы лишь по его желанию, но без согласия администрации предприятия или учреждения. Отмена и позволила многим игнорировать конституционно закрепленную обязанность – работать на государство, причем там, где указано представителем государственной власти.

В СССР цитированный документ именовали «указом о тунеядцах». Международную известность он получил из-за «дела Бродского».

⁷ См., напр.: Лосев Л. В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 77–85.

⁸ СССР. Конституция (издание на языках союзных республик). М.: Издание ЦИК СССР, 1937.

⁹ См.: В Президиуме Верховного Совета СССР // Правда. 1961. 5 мая.

Начиналось оно – по обыкновению – с пропагандистской кампании. 23 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» напечатана за тремя подписями статья «Окололитературный трутень»¹⁰.

Заголовок агрессивный. Но далее – зачин эпический. Сказано, что уже несколько лет, как «в окололитературных кругах Ленинграда появился молодой человек, именовавший себя стихотворцем. На нем были вельветовые штаны, в руках – неизменный портфель, набитый бумагами. Зимой он ходил без головного убора, и снежок беспрепятственно припудривал его рыжеватые волосы».

После эпического зачина – конкретизация. Авторы сообщили, кого же имели в виду: «Приятеля звали его запросто – Осей. В иных местах его величали полным именем – Иосиф Бродский».

Вот кто, значит, «окололитературный трутень». Далее – список провинностей: «Бродский начал прилагать все усилия, чтобы завоевать популярность у молодежи. Он стремится к публичным выступлениям, и от случая к случаю ему удается проникнуть на трибуну. Несколько раз Бродский читал свои стихи в общежитии Ленинградского университета, в библиотеке имени Маяковского, во Дворце культуры имени Ленсовета. Настоящие любители поэзии отвергали его романсы и стансы. Но нашлась кучка эстетствующих юнцов и девиц, которым всегда подавай что-нибудь “остренькое”, “пикантное”. Они подняли восторженный визг по поводу стихов Иосифа Бродского...».

Стихи и биография автора характеризовались далее так, чтобы читатель убедился: Бродский – идейный противник советского режима, да и как поэт не состоялся.

Для привлечения к уголовной ответственности этого было еще мало. И авторы статьи указывали, что один из друзей Бродского уже осужден «за уголовное преступление».

Затем сообщалось, что Бродский – вместе с позже осужденным приятелем, бывшим летчиком – планировал захват самолета, на котором оба намеревались пересечь советскую границу. А еще они собирались передать некоему иностранцу рукопись антисоветского философского трактата для публикации за границей под любым псевдонимом. Обозначен был источник сведений: «Перед нами лежат протоколы допросов...».

Имелись в виду протоколы допросов уже осужденного приятеля Бродского. Однако не объяснялось, на каком основании авторы статьи получили доступ к таким материалам. Далее – главный тезис: противник режима, лишь по недоразумению избежавший уголовной ответственности, «продолжает вести паразитический образ жизни. Здоровый 26-летний парень около четырех лет не занимается общественно полезным трудом. Живет он случайными заработками; в крайнем случае, подкинет толику денег отец – внештатный фотокорреспондент ленинградских газет, который хоть и осуждает поведение сына, но продолжает кормить его. Бродскому взяться бы за ум, начать, наконец, работать, перестать быть трутнем у родителей, у общества. Но нет, никак он не может отделаться от мысли о Парнасе, на который хочет забраться любым, даже самым нечистоплотным путем».

Возраст Бродского указан неверно, но ошибка тут не принципиальна. Главное, не сказано, что за «случайные заработки».

Умолчание, разумеется, неслучайное. Если Бродский работал, получая законным образом хотя бы минимально необходимые доходы, значит, он уже не «тунеядец». Стало быть, вынесенная в заглавие статьи характеристика – «окололитературный трутень» – неуместна.

Авторы обошлись без подробностей. Итоговый вывод – обращение к власти: «Очевидно, надо перестать нянчиться с окололитературным тунеядцем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде».

¹⁰ Ионин А., Лернер Я., Медведев М. Окололитературный трутень // Вечерний Ленинград. 1963. 29 нояб.

Подразумевался цитированный выше Указ Верховного Совета СССР. Его применение, настаивали авторы статьи, необходимо: «Не только Бродский, но и все, кто его окружает, идут по такому же, как и он, опасному пути. И их нужно строго предупредить об этом. Пусть околослитературные бездельники вроде Иосифа Бродского получают самый резкий отпор. Пусть неповадно им будет мутить воду!».

8 января 1964 года та же газета опубликовала подборку читательских писем. Читатели требовали наказать «тунеядца»¹¹.

Разумеется, письма были заранее подготовлены. Еще до публикации статьи. Тут организаторы пропагандистской кампании следовали традиции. Прием, именовавшийся «откликами читателей», был издавна апробирован. Таким образом и демонстрировалось, что инициатива уголовного преследования исходит «от народа».

В данном случае подразумевалось, что население Ленинграда, солидаризовавшись с авторами статьи, требовало наказать «околослитературного трутня». Согласно традиционной пропагандистской установке, представителям власти надлежало реагировать на «письма читателей». Не прошло и недели – арест Бродского¹².

Разумеется, подготовка кампании велась при участии КГБ. Там получали сведения о настроениях молодежи, отсюда поступали распоряжения в милицию, благодаря чему авторы статьи ознакомились с материалами следствия по делу осужденного приятеля Бродского.

Однако КГБ опять был лишь инструментом. Не его сотрудниками разрабатывалась концепция судебного процесса. И не они контролировали развитие событий.

Такого рода задачи ставил ЦК партии, решение же контролировалось местными функционерами. Узнаваемый – сусловский – *modus operandi*.

Правда, инициаторами судебного процесса вряд ли планировались масштабы последствий. Скандал, вызванный «делом Бродского», стал настолько громким, что оказал существенное влияние на международные контакты советского государства.

Как известно, присутствовавшая в зале суда журналистка Ф. А. Вигдорова стенографировала почти все сказанное в ходе судебных заседаний. Вскоре ее записи получили широкое «самиздатовское» распространение. Попали они и за границу. Там были изданы книги об этом процессе¹³.

Суд в Ленинграде был осмыслен как пример вопиющего беззакония. И не потому, что вне советских реалий обвинение выглядело абсурдным. Благодаря записям Вигдоровой стало понятно: доказать виновность Бродского не удалось ни до суда, ни в ходе судебных заседаний.

Отсюда вроде бы следовало, что Бродского карали именно как поэта. За литературную деятельность. Пресекали ее посредством ссылки. Соответственно, обвинение в «тунеядстве» было лишь предлогом. На этом и настаивали иностранные журналисты. А вслед за ними – уже на исходе 1980-х годов – отечественные мемуаристы и литературоведы.

Пафос их рассуждений был традиционно публицистическим. Вот почему вне сферы внимания оставались явные противоречия.

Результаты операции, во-первых, не соответствовали уровню ее подготовки и пропагандистского обеспечения. Можно было бы обойтись гораздо меньшими усилиями, чтобы выслатить Бродского из Ленинграда.

Во-вторых, подсудимому не инкриминировалось что-либо относящееся к области пресловутой «антисоветской пропаганды». Содержание его стихов не рассматривалось судом.

¹¹ См.: Тунеядцам не место в нашем городе // Вечерний Ленинград. 1964. 8 янв.

¹² См., напр.: Лосев Л. В. Указ. соч. С. 88–91. См. также: Гуреев М. А. Иосиф Бродский. Жить между двумя островами. М.: АСТ, 2017. С. 200.

¹³ См., напр.: Эткинд Е. Процесс Иосифа Бродского / Ефим Эткинд. London: Overseas publ. interchange, 1988. См. также: Sudenje Josifu Brodskom [Текст] / zapisala Frida Vigdorova; prired. i prev. Radojica Nešović. Novi Sad: Akademska knjiga, 2015.

Ну а в-третьих, не удалось пресечь литературную деятельность Бродского. Ссылка не изменила ничего.

Получается вроде бы, что выбор средств не соответствовал цели. Однако на самом деле это не так.

Средства выбирал Сулов. А не соответствовали они той цели, о которой четверть века спустя рассуждали публицистически ориентированные журналисты, литературоведы и мемуаристы.

Выбранные средства другой цели соответствовали. Сулов, по своему обыкновению, решал задачи государственного масштаба.

Как известно, к началу 1960-х годов советская интеллектуальная элита отчасти утратила прежний страх перед властью. «Дело Пастернака» впервые показало, что последствия неповиновения уже не таковы, какими были в сталинскую эпоху. Потому Сулов демонстрировал: государство располагает достаточными средствами, чтобы защитить свою монополию в любой области, включая издательскую.

Акция устрашения

Современникам была очевидна прагматика статьи, опубликованной в газете «Вечерний Ленинград» 8 ноября 1963 года. Бродский объявил себя поэтом, что – в советской традиции – подразумевало статус профессионального литератора, имеющего право не работать постоянно на каком-либо предприятии или в учреждении. Однако решать, кого наделить привилегиями такого рода, надлежало подразделениям СП. В данном случае – ленинградским. Они решение не принимали, следовательно, «окололитературный трутень» покусился на государственную монополию.

Формально, разумеется, преступления не было. Реально же – налицо.

Пропагандистская кампания, начавшаяся до суда и продолжавшаяся даже после вынесения приговора, понадобилась, чтобы современники уяснили прагматику «дела Бродского». Это была акция устрашения.

Но вовсе не Бродского устрашали. Объектами устрашения были покровительствовавшие обвиняемому литературные знаменитости.

Прежде всего, Ахматова. В ее ближайшее окружение и входил Бродский.

Как у многих советских поэтов, основным источником доходов Ахматовой оставались переводы. Главным образом с подстрочника. Благодаря ее связям аналогичные заказы получали и друзья. Их привлекали, конечно, не столько заработки, дебютантам платили крайне мало, сколько возможность обрести – в перспективе – официальный статус поэта-переводчика. Это был пройденный многими путь.

Казалось бы, обычная ситуация: всемирно знаменитый поэт и молодые ученики. К тому же оказанная помощь не подразумевала использование официальных полномочий. У Ахматовой таких и не было никогда.

Однако роль мэтра не полагалась Ахматовой, ошельмованной в 1946 году специальным постановлением ЦК КПСС. Попытка Симонова дезавуировать скандальный документ хотя бы десять лет спустя не удалась – даже при негласной поддержке высокопоставленных функционеров, противников Суслова. Тот по-прежнему защищал цельность идеологии.

Была еще одна причина, в силу которой Ахматовой не полагалась роль мэтра. Задача отбора перспективных дебютантов – государственная. Ее решали уполномоченные на то организации.

К примеру, Литературный институт. Там получали гуманитарное образование будущие прозаики и поэты, драматурги и критики. Занятия проводили вузовские преподаватели соответствующих дисциплин, специализация – под руководством известных литераторов в так называемых мастерских.

Низшим уровнем считались городские литературные объединения, их курировал тоже ССП. Они создавались как аналоги упомянутых выше «мастерских». Занятия вели литераторы-профессионалы, их работа оплачивалась, они и рекомендовали материалы к публикации – по соответствующей квоте.

Всю эту организационную структуру курировали специальные комиссии при региональных отделениях СП. Что и называлось «работой с молодыми писателями».

Ахматовское окружение – своего рода вызов существовавшей тогда структуре. Вот литературные функционеры и выбрали Бродского в качестве обвиняемого. Цель – устрашение всех, кто нарушал правила, пусть и неписаные.

Бродский, как известно, пренебрегал требованиями социализации, обязательными для намеревавшегося получить статус профессионального литератора. Поступать в какое-либо высшее учебное заведение не пытался, да и среднюю школу не окончил. Работу выбирал только временную, к примеру, в геологических экспедициях. Летнего заработка там – при жесточай-

шей экономии – хватало до следующего сезона. При этом с успехом выступал на литературных вечерах, изучил два иностранных языка, опубликовал несколько переводов, готовились к печати и новые¹⁴.

Если пользоваться мандельштамовскими дефинициями, можно отметить, что в советскую литературу Бродский входил, не спросив разрешения. Идея показательного судебного процесса была востребована ЦК партии. Обратившись к опыту, там модернизировали инструментарий защиты издательской модели.

Конечно, в ахматовском окружении могли бы найти и другую кандидатуру на роль обвиняемого. Разница оказалась бы непринципиальной.

Однако ближайшие друзья обвиняемого – поэты А. Г. Найман и Е. Б. Рейн – были несколько менее уязвимы в аспекте уголовного преследования. Потому что более социализированы. Окончили Ленинградский технологический институт, получили дипломы инженеров и постоянную работу по специальности. Публиковали они пока что лишь переводы¹⁵.

Бродский выбран был как наиболее уязвимый. Ахматовой же не предъявили какие-либо претензии, зато судебный процесс демонстрировал: всемирно знаменитый поэт не в состоянии защитить ученика и друга.

Судебный процесс готовился, подчеркнем еще раз, в качестве акции устрашения. Но организаторы не учли важное обстоятельство: у них к началу 1960-х годов появились оппоненты, готовые полемизировать даже в зале суда. Вот почему «дело Бродского» и получило мировую известность.

Заступников у подсудимого оказалось не так уж мало. Известные писатели, литературоведы, вузовские преподаватели, журналисты.

Среди заступавшихся – признанный в СССР классиком стихотворного перевода С. Я. Маршак. Он действовал последовательно и энергично¹⁶.

Не менее авторитетный Чуковский, считавшийся конкурентом Маршака, тоже вступился за Бродского. Защитить его пытались Эренбург и Паустовский¹⁷.

18 февраля 1964 года – первое заседание районного суда под председательством судьи Е. А. Савельевой. И обстановка к тому времени была, можно сказать, накалена.

Вигдорова акцентировала, что суд заведомо необъективен. Савельева это и не скрывала –

«Судья: Чем вы занимаетесь?»

Бродский: Пишу стихи. Перевожу. Я полагаю...

Судья: Никаких “я полагаю”. Стойте как следует! Не прислоняйтесь к стенам! Смотрите на суд! Отвечайте суду как следует! (Мне): Сейчас же прекратите записывать! А то – выведу из зала. (Бродскому): У вас есть постоянная работа?

Бродский: Я думал, что это постоянная работа.

Судья: Отвечайте точно!

Бродский: Я писал стихи. Я думал, что они будут напечатаны. Я полагаю...

Судья: Нас не интересует “я полагаю”. Отвечайте, почему вы не работали?

Бродский: Я работал. Я писал стихи.

¹⁴ См., напр.: Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2004. С. 20–65; См. Также: Лосев Л. В. Указ. соч. С. 37–76.

¹⁵ См., напр.: Чуковский К. И. Дневник 1901–1969. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2003. Т. 2. С. 416.

¹⁶ См., напр.: Там же.

¹⁷ См. подробнее: Лосев Л. В. Указ. соч. С. 95–99.

Судья: Нас это не интересует. Нас интересует, с каким учреждением вы были связаны.

Бродский: У меня были договоры с издательством.

Судья: У вас договоров достаточно, чтобы прокормиться? Перечислите: какие, от какого числа, на какую сумму?

Бродский: Точно не помню. Все договоры у моего адвоката.

Судья: Я спрашиваю вас.

Бродский: В Москве вышли две книги с моими переводами...
(перечисляет).

Судья: Ваш трудовой стаж?

Бродский: Примерно...

Судья: Нас не интересует “примерно”!

Бродский: Пять лет.

Судья: Где вы работали?

Бродский: На заводе. В геологических партиях...

Судья: Сколько вы работали на заводе?

Бродский: Год.

Судья: Кем?

Бродский: Фрезеровщиком.

Судья: А вообще какая ваша специальность?

Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.

Судья: А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?

Бродский: Никто. (Без вызова). А кто причислил меня к роду человеческого?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...

Бродский: Я не думал, что это дается образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Судья: У вас есть ходатайства к суду?

Бродский: Я хотел бы знать, за что меня арестовали.

Судья: Это вопрос, а не ходатайство.

Бродский: Тогда у меня ходатайства нет».

Диалог характерный. Савельева атаковала, Бродский защищался. Каждый решал свою задачу. Судья выполняла заказ, пусть и вопреки закону, подсудимый же отстаивал свою репутацию.

Вполне очевидно, что подсудимый не желал принять риторические условия, навязываемые судьей. Та начала с вопроса о роде занятий, имея в виду пресловутый «общественно полезный труд», а Бродский понятие «работа» противопоставлял другому – «праздность». Настаивал, что праздным не был. Однако по условиям игры тут выигрывал задававший вопросы, а не отвечавший на них.

Бродскому пришлось все же принять навязанные условия. Ну а Савельевой явно не хватало доказательств, чтобы обосновать выдвинутые обвинения: у подсудимого имелись документы, подтверждавшие наличие легального заработка, хоть и скудного. В этом случае применение Указа Верховного Совета СССР становилось проблематичным.

Далее, как явствует из диалога, Савельева несколько изменила тактику, потребовав формальное подтверждение статуса поэта. Бродский же лукавил. Нет оснований сомневаться в том, что он понял вопрос судьи: «Кто причислил вас к поэтам?».

Речь шла не о признании читателей. Имелся в виду документ, подтверждавший право не работать постоянно на государство.

Таким документом могло быть удостоверение состоявшего в каком-нибудь отделении СП или справка, выданная подобного рода организацией. Вот это и требовала предъявить Савельева. Бродский же ушел от прямого ответа. Однако не преминул обозначить: вне советских реалий вопрос судьи абсурден.

Нет оснований сомневаться: Бродский понимал, что все сказанное им в ходе судебных заседаний будет широко известно. Догадывалась о том и Савельева. Вот почему и пыталась запретить Вигдоровой стенографировать.

Найман в мемуарах утверждал, что воспроизводит суждение Ахматовой об итогах судебных баталий. По его словам, когда Бродского «отправили в ссылку на север, она сказала: “Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял”»¹⁸.

Следует отсюда, что Ахматова рассуждала о литературной репутации. И на вопрос Наймана «о поэтической судьбе Мандельштама, не заслонена ли она гражданской, общей для миллионов, ответила: “Идеальная”».

Допустимо, что Ахматова именно так и говорила. По крайней мере, аналогичные суждения формулировала не раз. Настаивала, что судьба настоящего, значит, искреннего писателя в советском государстве может быть лишь трагической. Именно потому и мандельштамовская – «идеальная»: смертью в лагере он искупил все свои компромиссы с режимом.

В биографии же ленинградского поэта 1960-х годов суд был своего рода контрапунктом. Пользуясь нынешней терминологией, можно констатировать, что Бродский свой имидж создал. Не выказывал страха, наоборот, иронизировал.

Однако не мог Бродский не осознавать, что известность если и придет, так не скоро, а потому не защитит. Его уже поместили в тюрьму до суда, так что наиболее вероятная перспектива – ссылка и принудительные работы. Смерть тоже близка: врожденный порок сердца. И сердечный приступ был в тюремной камере.

Вероятно, риск не казался поначалу чрезмерным. Формально Бродский не подлежал уголовной ответственности за «тунеядство». Это и доказывал адвокат. Но итог был изначально предопределен.

13 марта началось второе судебное заседание. Справки о гонорарах и договорах с издательствами, равным образом ходатайства авторитетных писателей и литературоведов, представленные адвокатом, не были приняты Савельевой. Она потребовала свидетельство из местной Комиссии по работе с молодыми писателями и получила официальный документ, гласивший: «Бродский не является поэтом».

Вне советских реалий ответ выглядел абсурдно. С учетом же их вполне понятно, что хотел сказать автор. Ленинградское отделение СП не предоставляло Бродскому право не работать постоянно на государство. Итог – обвинительный приговор.

Да, Бродский рисковал. Не только свободой и советской литературной карьерой. Подчеркнем еще раз: высока была вероятность смерти от сердечного приступа в тюрьме или по месту ссылки. Зато в перспективе он мог выиграть репутацию и – развить успех.

Так и случилось. Правда, не вскоре.

Берзер в мемуарах сочла нужным подчеркнуть, что Гроссман сочувствовал осужденному. По ее словам, уже в больнице «читала ему вслух запись процесса Бродского, сделанную Фридой Вигдоровой. Он (что бывало редко) повернулся лицом к стенке, и я не видела, дремлет ли,

¹⁸ Здесь и далее цит. по: Найман А. Г. Рассказы о... М.: АСТ, 2017. С. 294.

слышит ли. Но догадывалась, что слышит, потому что ни разу не прервал – ни стоном, ни кашлем (а это трудно).

Когда я кончила:

– Я как будто провалился в туман, но слышал все, каждое слово.

Потом, помолчав:

– Бедный мальчик... Как это навалилось на него...».

Вскоре, согласно Берзер, в палату вошла медицинская сестра. Была она «толстая, мрачная и злая».

Она что-то резко сказала Василию Семеновичу. После ее ухода:

– Она разговаривает со мной, как судья с Бродским...

И снова:

– Бедный мальчик...».

В данном случае Берзер доказывала, что Гроссман, даже больной, умирающий, не утратил присущую ему способность воспринимать чужую беду как свою. А насколько точно переданы его слова – неизвестно.

Зато бесспорно, что Берзер считала «дело Бродского» значимым элементом в биографии Гроссмана. Событием, формирующим биографический контекст.

Берзер в данном случае точна. Связь ареста гроссмановского романа и «дела Бродского» прослеживается на уровне телеологии. В обоих случаях цель акций – защита государственной издательской монополии посредством устрашения потенциальных нарушителей.

В марте 1964 года Ахматовой и другим покровителям Бродского дан был урок: не им формировать сообщества, где определяется, кого считать поэтом. Это компетенция официально уполномоченных организаций. Без разрешения таковых нет пути к статусу профессионального литератора, а нарушители правил лишь провоцируют карательные меры.

Следует из сказанного выше, что цензурное разрешение солженицынской повести не противоречило аресту гроссмановской рукописи и «делу Бродского». Парадокса не было.

Издание солженицынской повести эмблематизировало продолжение заявленной Хрущевым либерализации. Пресловутой «оттепели». Арест рукописи Гроссмана и «дело Бродского» – сусловские коррективы. В целом же политика была непротиворечивой. Функционеры стремились режим сохранить, а разногласия относились только к масштабам уступок в области идеологии.

После судебного приговора Бродскому минуло полгода, когда умер Гроссман. В случае иностранной публикации его романа уже некого было бы привлекать к уголовной ответственности за антисоветскую пропаганду. Но Липкин не отправил за границу рукопись.

О причинах можно спорить. Допустимо, что силен был шок, вызванный «делом Бродского». Оно демонстрировало: советское правительство готово по-прежнему нарушать закон ради охраны своей монополии в литературно-издательской области. Соответственно, КГБ пресекались любые попытки отправить чьи-либо рукописи за границу. Значительно усилен был контроль за иностранцами, ведь именно они занимались отправкой непосредственно. Следили и за теми, кто с ними общался.

Допустимо, что Липкин после смерти Гроссмана не рискнул заняться отправкой рукописи, опасаясь слежки. И долго еще избегал опасности. Например, предполагал, что не исключено привлечение к уголовной ответственности вдовы или дочери автора крамольного романа.

Многое допустить можно, вот только подтвердить нечем. Тут актуально старинное при словье архивистов: без документа нет аргумента.

Но, как известно, отсутствие знака тоже может – в ряде контекстов – считаться значимым. Потому характерно, что Липкин о «деле Бродского» не упомянул. Как будто и не слышал.

Однако не слышать не мог. Его знаменитые коллеги-переводчики за Бродского вступались. Липкин – нет.

Разумеется, не только он не вступился. И соображения тут могли быть разные. Допустим, полагал, что хранившему гроссмановскую рукопись не следует привлекать к себе внимание КГБ.

Объяснить можно и так. Но существенно, что Липкин в мемуарах обошелся без объяснений.

Символ эпохи

Меж тем борьба сталинских наследников за власть становилась все более ожесточенной. И, как известно, в октябре 1964 года ЦК КПСС возглавил Брежнев.

Символом новой эпохи стал очередной скандал. В сентябре 1965 года сотрудниками КГБ арестованы А. Д. Синявский и Ю. М. Даниэль. Оба печатались за границей, используя псевдонимы. Нарушителям государственной издательской монополии была инкриминирована «анти-советская агитация».

Обоим тогда по сорок лет. Литературовед Синявский был еще и популярным новоязным критиком, Даниэль публиковался на родине как переводчик. Вроде бы преуспевающие литераторы-профессионалы.

Дебютировали, правда, не в юности. Школу заканчивали, когда шла война, потом служили в армии. Синявского направили в авиацию, он был радиомехаником на аэродроме, Даниэль – пехотинец, демобилизован после тяжелого ранения как инвалид.

После войны Синявский окончил филологический факультет МГУ, там же и аспирантуру, защитил диссертацию. Преподавал в высших учебных заведениях, стал научным сотрудником Института мировой литературы Академии наук СССР.

Даниэль окончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Был школьным учителем, профессию сменил и считался талантливым поэтом-переводчиком. Незадолго до ареста планировал дебютировать в печати и как прозаик.

Будущие арестанты подружились на исходе 1950-х годов. Рукописи Синявского отправляла за границу его соученица по университету – дочь французского дипломата. И Даниэль воспользовался помощью друга. Все шло вроде бы гладко. Но, разумеется, все публикации оказались в сфере внимания КГБ. Друзья были не слишком осторожны. Их псевдонимы – сами по себе – вызов.

Синявский, как известно, взял псевдоним Абрам Терц, а Даниэль – Николай Аржак. Это герои так называемых блатных песен 1920-х годов: вор-карманник и бандит-налетчик¹⁹.

К началу 1960-х годов эссеист и прозаик Абрам Терц был признан заметным явлением в русской эмигрантской литературе. Его упоминали в обзорах, акцентируя, что носитель псевдонима – советский гражданин, не имеющий возможности печататься на родине, так как его произведения не соответствуют пропагандистским установкам²⁰.

Несколько позже добился популярности и Николай Аржак. Его проза тоже считалась необычной: критики опять рассуждали о сочетании традиций реализма, фантастики, политической сатиры. Причины использования псевдонима были и здесь очевидны²¹.

Особое раздражение советских инстанций, контролировавших деятельность эмигрантских издательств, вызывали публикации Абрама Терца. Угадывалось, что за издательским псевдонимом укрылся профессионал, досконально изучивший специфику литературного процесса в своем отечестве и потому умело разрушающий отечественные пропагандистские кон-

¹⁹ См. подробнее: Арест Андрея Синявского // Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / Сост. А. И. Гинзбург. Frankfurt/M: Possev-Verlag, 1967. С. 13–16; Николай Аржак // Там же. С. 16–19. См. также: Картов А. С. «Свобода! Писательство – это свобода»: Творческая судьба Андрея Синявского. М.: РУДН, 2014. С. 8–51.

²⁰ См., напр.: Филиппов Б. «Природа и тюрьма». О творчестве Абрама Терца и Николая Аржака // Грани. 1966. № 60. С. 75–93; Гинзбург А. И. От составителя // Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. С. 5; Пьер А. Арест критика Синявского беспокоит «модернистских» писателей // Там же. С. 10–11; По поводу ареста советского писателя Синявского // Там же. С. 11; Аресты в Москве // Там же. С. 26.

²¹ См., напр.: Crankshaw E. Writers' show trial echoes Stalin era // The Observer. 1966. 23 Jan.; Отзывы зарубежной печати на произведения А. Терца и Н. Аржака (1960–1964 гг.) // Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. С. 131–144.

струкции. Значит, **изменник**, выдающий себя за лояльного писателя и пользующийся льготами, положенными только элите «государства победившего социализма»²².

До сих пор исследователи спорят о том, каким образом сотрудникам КГБ удалось раскрыть псевдонимы. Версий немало, однако по-прежнему нет хоть сколько-нибудь документированных. Об одной из них рассказал много позже Войнович – в книге «Автопортрет: Роман моей жизни»²³.

Версия, пересказанная Войновичем, эмоциональна, иронична, что и свойственно его писательской манере. Он утверждал: «Их долго искали и, наконец, нашли. Нашли, когда возникла необходимость в такой находке. Рассказывали странную вещь, что наша разведка за выдачу авторов будто бы передала ЦРУ (баш на баш) чертежи сверхсекретной подводной лодки. Как выразился один мой знакомый, власть ничего не пожалела, чтоб самой себе набить морду.

Арест двух писателей и его последствия стали для Советского Союза таким ударом, который, если сравнивать с боксом, можно назвать нокдауном».

Примечательна в этой версии оценка прагматики. Войнович акцентировал: «Нашли, когда возникла необходимость в такой находке».

Однако о «необходимости» документированных свидетельств пока нет. Документировано же, что арест Синявского и Даниэля оказался неожиданностью для их друзей и многочисленных коллег-литераторов.

Первые сведения об аресте появились в иностранных периодических изданиях полтора месяца спустя. Каким образом туда поступили – пока не ясно. Надо полагать, друзья Синявского и Даниэля пытались таким образом защитить арестованных от негласной расправы.

Планировалась ли она – неизвестно. Однако за границей опубликованы письма знаменитых иностранных литераторов, характеризовавших арест Даниэля и Синявского как противоправную меру. Аналогичные заявления были направлены в Совет Министров СССР и писательские объединения.

5 декабря 1965 года, в день, признанный государственным праздником – юбилеем принятия Конституции СССР – проведен несанкционированный митинг. Участники, вышедшие на Пушкинскую площадь в центре Москвы, несли плакаты с требованием гласного суда над арестованными писателями²⁴.

Считается, что это первая антиправительственная демонстрация в столице. К такой реакции власти подготовиться не сумели. Подросшие сотрудники милиции задержали нескольких демонстрантов. Но формально им нечего было инкриминировать: задержанные лишь реализовали закрепленное Конституцией СССР право каждого гражданина страны. Пришлось их отпустить, иначе разразился бы новый скандал.

Арест писателей обсуждался в иностранной периодике постоянно. Советские же официальные инстанции не подтверждали и не отрицали такие сведения. Наконец, 12 января 1966 года в газете «Известия» напечатана статья одного из секретарей Московского отделения ССП, сталинского лауреата Д. И. Еремина. Заголовок был подобран хлесткий, подразумевавший обвинение в измене: «Перевертыши»²⁵.

Газета «Известия» считалась правительственным официозом. И ереминскую статью за границей признали именно первым официальным сообщением об аресте Даниэля и Синявского.

²² См.: Рюриков Б. Социалистический реализм и его ниспровергатели // Иностранная литература. 1962. № 1. С. 191–200.

²³ См. подробнее: Войнович В. Н. Автопортрет: Роман моей жизни. М.: Издательство «Эксмо», 2017. С. 445–446.

²⁴ См.: Отцы, следуйте примеру детей! // Посев. 1965. 17 дек.; Поэтов – в психиатрическую лечебницу // Там же. 1965. 24 дек.

²⁵ Здесь и далее цит. по: Еремин Д. Перевертыши // Известия. 1966. 12 янв.

Этой публикацией началась пропагандистская кампания в масштабе СССР. Авторы прочих статей тоже инкриминировали Синявскому и Даниэлю измену²⁶.

14 февраля вынесен обвинительный приговор. На следующий день ТАСС подготовлено официальное сообщение: «Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в составе: председателя Верховного суда РСФСР Л. Н. Смирнова, народных заседателей Н. А. Чечиной и П. Б. Соколова признала Синявского и Даниэля виновными в соответствии с частью первой статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР. Суд приговорил: Синявского А. Д. к семи годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима, Даниэля Ю. М. – к пяти годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима»²⁷.

В сообщении ТАСС не цитировалась упомянутая там «статья 70». Но ее цитировали журналисты, писавшие о «деле Синявского и Даниэля»²⁸.

Отметим, что с января 1961 года Указом Верховного Совета РСФСР был введен в действие новый Уголовный кодекс. Заменял он прежний, считавшийся одиозным из-за статьи 58, где характеризовались так называемые контрреволюционные преступления.

Содержание печально знаменитой «пятьдесят восьмой» было распределено по другим статьям нового УК РСФСР. Редактура проведена незначительная, прагматика не менялась. Так, часть первая статьи 70 гласила: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет».

Часть вторая статьи 70 соотнесена была с так называемыми отягчающими вину обстоятельствами. Она гласила: «Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время, – наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет».

Ранее Синявский и Даниэль судимы не были, время опять же невоенное, вот почему судебной коллегии не пришлось ориентироваться на часть вторую статьи 70. Хватило первой. И выбранные меры наказания соответствовали предусмотренным законодательно: согласно УК РСФСР, «антисоветская агитация и пропаганда» относились к «особо опасным государственным преступлениям».

Стоит отметить, что «дело Синявского и Даниэля» считается уникальным. И таковым было признано сразу.

Разумеется, Синявский и Даниэль – не первые литераторы, которым инкриминировалась клевета на советский режим. Практиковалась и ранее масштабная травля в периодике как следствие несанкционированных иностранных публикаций. Зато впервые основанием привлечения к уголовной ответственности и приговора – длительных сроков заключения под стражу – было издание литературных произведений за границей.

Но уникальным «дело Синявского и Даниэля» считается не только поэтому. Главным образом – в силу беспрецедентной масштабности скандала, причем международного. О подготовке суда и самом процессе сообщали известные во всем мире газеты и журналы. И отзывы были исключительно негативные.

Скандал разрастался и после вынесения приговора. В СССР и за границей.

²⁶ См., напр.: Лицо клеветников // Комсомольская правда. 1966. 11 февр.; *Ильин М.* Клеветники // Советская Россия. 1966. 11 февр.; *Котенко И.* Факты обличают // Там же. 1966. 12 февр.; Он же. Именем живых и погибших // Там же. 1966. 13 февр.

²⁷ См.: Клеветники наказаны // Советская Россия. 1966. 15 февр.; *Михайлов С.* Клеветникам – по заслугам! // Комсомольская правда. 1966. 15 февр.

²⁸ *Феофанов Ю.* Тут царит закон // Известия. 1966. 10 февр.

Как известно, журналист А. И. Гинзбург подготовил сборник, куда вошли стенограммы судебных заседаний, фрагменты публикаций в иностранной периодике, официальные заявления известных советских ученых и литераторов, выступивших в защиту обвиняемых, а также другие материалы. На родине составителя все это распространялось посредством «самиздата», наконец, в 1967 году издательство «Посев» выпустило «Белую книгу по делу А. Синявского и Ю. Даниэля»²⁹.

Через несколько лет сложилась уже традиция осмысления «дела Синявского и Даниэля». Разумеется, не соответствовавшая той, что предложили советские юристы и журналисты.

Их оппоненты, лишенные возможности печататься в Советском Союзе, по-прежнему доказывали, что обвинения, выдвигавшиеся против Синявского и Даниэля, были фальсифицированы. Соответственно, приговор – документ исключительно политический, а не юридический: осуждение заведомо невиновных.

Однако на родине осужденных писателей официальное осмысление скандала оставалось неизменным до второй половины 1980-х годов. Затем эволюционировало, сообразно распаду советской идеологии. Поэтапно.

Сначала энтузиастам удалось добиться переиздания напечатанного Синявским и Даниэлем за границей. Это было нарушением правил: в советской печати обычно не допускались публикации осужденных литераторов – до их так называемой реабилитации³⁰.

Но в ту пору нарушение было уже не первым. Распад идеологии шел быстро, юристы просто не успевали за советскими идеологами. «Дело Синявского и Даниэля» получило международную известность как символ беззакония, так что новые лидеры государства спешили демонстрировать негативное отношение к прошлому.

Цензурные инстанции получили указание из ЦК партии. Юридические – нет. Потому и возник парадокс: Синявский и Даниэль считались врагами режима, а все опубликованное ими за границей печаталось уже в СССР.

Окончательную победу над цензурой знаменовал очередной сборник о процессе. Туда вошли и стенограммы судебных заседаний, и некоторые публикации осужденных, и другие материалы. Он выпущен московским издательством «Книга» в 1989 году, заглавие – откровенно публицистическое: «Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля»³¹.

Заглавие отражало пафос издания. Доказывалось, что осужденные были вполне лояльны советскому режиму и лишь реализовали свои конституционно закрепленные права. Отсюда следовало, что Синявский и Даниэль осуждены лишь за метафоры. По ошибке. Сборник вскоре стал бестселлером, что и обусловило повторное издание в 1990 году.

Ну а затем вновь подведен итог. Газетой «Известия» 17 октября 1991 года опубликована статья, где сообщалось: «По протесту Генерального прокурора СССР Верховный суд РСФСР приговор в отношении Андрея Синявского и Юлия Даниэля отменил, а уголовное дело прекратил за отсутствием в их действиях состава преступления»³².

Отсюда следовало, что «состава преступления» не было, когда Синявского и Даниэля осудили. По-другому нельзя истолковать решение 1991 года: статьей 6 УК РСФСР предусмат-

²⁹ См.: Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля.

³⁰ См., напр.: Фельдман Д. М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. С. 75–256. См. также: Толстой И. Н. Отмытый роман Пастернака. «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время, 2009. С. 34–36.

³¹ См.: Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / Сост. е. М. Великанова. М.: Книга, 1989.

³² Здесь и далее цит. по: Руднев В. Пересмотрены дела Ульманиса, Тимофеева-Ресовского и Царапкина, Синявского и Даниэля... Кто следующий? // Известия. 1991. 17 окт. Подробнее об итогах историко-литературного и юридического осмысления процесса см.: Цой Ю. И. Освещение процесса А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля в советской периодике 1960-х гг. Дипломная работа ст-ки 5 курса факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. М., 2012. Рукопись.

ривалось, что «преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния».

Бесспорно, отмена приговора способствовала росту доверия к СССР за границей. В итоге Синявский и Даниэль были объявлены противниками тоталитаризма, жертвовавшими свободой ради своих убеждений.

Намерения инициаторов суда в 1965 году тоже не вызывали сомнений. По крайней мере, это утверждали журналисты и литературоведы, ориентированные на полемику с идеологическими установками советского прошлого. Аксиоматически признавалось, что «дело Синявского и Даниэля» – образец показательной расправы с инакомыслящими.

Однако неясным осталось многое. Прежде всего – на уровне следствия и суда.

Так, мемуаристами не раз указано, что, по свидетельствам осужденных писателей, следователи утверждали: еще весной 1965 года была завершена оперативная разработка, выяснено, кто и с чьей помощью отправлял крамольные рукописи за границу. Но Синявский и Даниэль арестованы лишь в сентябре. Почему КГБ медлил – сведений нет.

До сих пор не объяснено, почему советские официальные инстанции в течение четырех месяцев не подтверждали и не опровергали сведения об аресте Синявского и Даниэля, игнорируя при этом многочисленные запросы иностранцев. Нет оснований полагать, будто не понимали: замалчивание провоцирует развитие скандала.

От ареста писателей до суда – пять месяцев. В период следствия какие-либо новые обстоятельства не выявлялись. И опять нет объяснений, почему начало судебного процесса так долго откладывали.

Допустим, столь долгий срок понадобился для тщательной подготовки. Но эта гипотеза опровергается результатами процесса.

Обвинителю, во-первых, не удавалось юридически корректно доказать, что подсудимые вели «агитацию или пропаганду». Законом не предусматривалась непосредственная соотнесенность этих понятий с публикацией литературных произведений. Даже и за границей.

Во-вторых, обвинителю не удавалось доказать, что Синявский и Даниэль ставили «цели подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений». А без этого обвинение – в соответствии с частью первой статьи 70 УК РСФСР – теряло юридический смысл.

Наконец, обвинителю не удавалось доказать, что публикации обвиняемых являются «клеветническими измышлениями, порочащими советский общественный и государственный строй». По отношению к фантастическим произведениям заведомо неприменимо понятия «клевета». Не соотносилось оно и с литературоведческими штудиями Синявского.

Если процесс задумывали как образец, то неудача была полной. Тогда правомерен вопрос о причинах, обусловивших небывало скандальный провал. Нет оснований полагать, чтобы имиджевый ущерб такого масштаба планировался изначально.

Литература и право

Допустим, следователи лгали Синявскому и Даниэлю. Предположим, лишь к началу осени 1965 года были раскрыты псевдонимы и установлено, с чьей помощью рукописи оказались за границей.

Однако это не объясняет, почему же советские официальные инстанции четыре месяца игнорировали все обращения иностранных литераторов и ученых, пытавшихся выяснить, какова судьба арестованных Синявского и Даниэля. Подчеркнем еще раз: нет оснований полагать, будто в ЦК партии не предвидели последствий такого замалчивания.

Следовательно, у ЦК КПСС имелись веские причины. Какие – подсказывает историко-литературный контекст. На исходе 1965 года прогнозировался триумф советской литературы. Шолохов опять был среди тех, кого выдвинули на соискание Нобелевской премии³³.

Нобелевскому комитету по литературе надлежало, разумеется, сохранять в тайне список номинированных писателей. Однако это требование было практически невыполнимо. Пресловутые утечки информации – неизбежность. Организация все же невоенная. И сведения в КГБ – как положено, конфиденциально, по агентурным каналам – поступили не позже февраля 1965 года, когда истек срок, отведенный для выдвижения кандидатур. Ну а затем извещен был и ЦК КПСС.

С 1920-х годов лидеры партии – один за другим – ставили задачу утверждения высокого международного статуса именно **советской** литературы. И вот опять появилась возможность победить, исправив тем самым досадную оплошность с романом Пастернака. Лауреатом вполне мог бы оказаться многократно номинированный Шолохов.

Он вновь попал в так называемый длинный список. Краткий составлялся уже в апреле – до пяти кандидатур. Шолохов был и там. Кстати, вместе с Ахматовой.

Окончательное решение Нобелевскому комитету надлежало принять в сентябре. Ну а результаты полагалось объявить в начале октября. Церемония же вручения награды откладывалась до декабря 1965 года.

Как известно, Нобелевский комитет по литературе утвердил кандидатуру Шолохова единогласно. В начале сентября там было известно, кто станет лауреатом. И в ЦК КПСС получили известие вскоре.

Международной заслугой Шолохова признан только роман «Тихий Дон». Это и должна была акцентировать официальная формулировка: премия вручалась за «художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время»³⁴.

Нобелевская интрига ЦК КПСС изначально не соотносилась с расследованием деятельности литераторов, нелегально печатавшихся за границей. Две разные задачи, лишь опосредованно связанные между собой. Но когда бы ни завершилась оперативная разработка «дела Синявского и Даниэля», в сентябре 1965 года стало ясно, что связь уже непосредственная. Скандал, обусловленный арестами, был весьма нежелателен. Таковым и оставался до вручения награды Шолохову.

Нобелевские сертификаты были вручены Шолохову, как положено, в декабре 1965 года. Что и стало триумфом **советской** литературы. О награде писателя сообщали едва ли не все периодические издания страны³⁵.

³³ См., напр.: Бар-Селла З. Литературный котлован: Проект «Писатель Шолохов». М.: РГГУ, 2005. С. 11–19.

³⁴ См., напр. The Nobel Prize in Literature. 1965. URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/1965/ (Дата обращения 15.08.2017 г.).

³⁵ «Ваше искусство переходит все рубежи». Вручение Нобелевских премий 1965 года // Правда. 1965. 11 дек.; «Шолохов М. А.» Речь М. А. Шолохова // Там же; Нобелевский комитет вручает награду М. Шолохову // Известия. 1965. 10 дек.; «Шолохов М. А.» Говорить людям правду // Известия. 1965. 11 дек.; Путь к сердцам // Литературная газета. 1965. 11 дек.

Только после этого ЦК партии санкционировал начало пропагандистской кампании по «делу Синявского и Даниэля». Она стала необходимой из-за международной огласки ареста и длительного отсутствия сведений о судьбе арестованных. Требовалось хоть как-нибудь объяснить, почему арестованы писатели.

Но у промедления была еще одна, не менее важная причина. Обусловленная не пропагандистской спецификой, а правовой.

Иностранные литераторы, ученые и журналисты еще до суда утверждали, что инкриминировать Синявскому и Даниэлю вообще нечего. Однако это не так.

Заграничные публикации уже постольку стали антисоветскими, поскольку были несанкционированными. Авторы нарушили издательскую монополию государства.

Неважно, что законом она не предусматривалась. Важно, что литераторы посягнули на базовый принцип существования советской издательской модели.

Значит, политическая оценка предопределена и без учета содержания публикаций. А если учитывать, то изображение советского быта – отнюдь не восторженное. Сатирическое.

Иной вопрос – юридическая обоснованность предъявленных Синявскому и Даниэлю обвинений. Приходилось учитывать фактор международной огласки, вот и возникли у следователей трудности. Не было еще соответствующего опыта.

Следствие было изначально ориентировано на часть первую статьи 70 действовавшего УК РСФСР. Она, как выше отмечалось, функционально соответствовала пункту 10 статьи 58 предыдущего – сталинского.

Но в сталинском УК РСФСР формулировка пункта 10 статьи 58 была заранее приспособлена к решению политических задач. Она продуманно невнятная: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений...»³⁶.

Законодатель не уточнил, что же именно следует понимать как «ослабление». Потому и правоприменители могли произвольно интерпретировать эти понятия, соотнося их с постановкой конкретных политических задач.

Что до художественных произведений, оставалось неясным, следует ли признать «пропагандой или агитацией» суждения персонажа художественного произведения. Значит, правоприменители опять не были стеснены в области интерпретаций.

Формулировки же для послесталинского законодательства были весьма небрежно подготовлены. Не осталось юристов досоветской выучки, умевших так определить направленность действия норм права, чтобы и создать иллюзию законности, и не стеснить правоприменителей. Часть первая статьи 70 существенно ограничивала интерпретации.

Ограничение вводилось буквально сразу. В соответствии с формулировкой части первой статьи 70 «агитация или пропаганда» лишь тогда преступны, когда ведутся именно «в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений...».

Юристы, готовившие новый УК РСФСР, не привыкли к игре терминами. Образование получили уже в сталинскую эпоху, когда подобного рода навыки не требовались. Потому соединили в одной формулировке описание преступлений и характеристику преступных умыслов. Что и обусловило невозможность юридически корректного решения задачи, которую ЦК КПСС поставил через несколько лет правоприменителям.

Формулировкой части первой статьи 70 с необходимостью подразумевалось: в ходе предварительного и судебного следствия должно быть **доказано**, что обвиняемые ставили «цели подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных

³⁶ Здесь и далее цит. по: Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд. юридической литературы, 1956.

государственных преступлений». Иначе обвинение, как отмечено выше, теряет юридический смысл.

Еще в ходе предварительного следствия обвиняемые упорно отрицали, что ставили преступные цели. Следователи же не располагали доказательствами, подтверждавшими обвинение.

В сталинскую эпоху такие проблемы решались просто. Те, кому инкриминировали «анти-советскую агитацию», обычно признавали себя виновными еще в ходе предварительного следствия. До суда. И не обязательно пытками выбивали из обвиняемых признания: вполне убедительный аргумент – перспектива ареста родственников или друзей как соучастников преступления.

Времена изменились. Да и арест писателей уже получил международную огласку. Потому следователи не располагали нужным инструментарием.

Обнаружилось, что структура обвинения буквально разваливается. Ни улики, ни признаний Синявского и Даниэля. Меж тем требовалось хоть как-нибудь **доказать**, что обвиняемые ставили цели, предусмотренные частью первой статьи 70. Без этого приговор мог соответствовать лишь духу закона, а букве явно бы противоречил.

Что-либо менять было уже поздно. Да и действовавший УК РСФСР не содержал нормы права, сформулированную нужным образом. В такой ситуации оставалось только одно: экспертными заключениями обосновать выдвинутые обвинения. Но и тут возникли трудности.

Юридически экспертизой признавалось лишь такое исследование, результаты которого воспроизводимы в случае повторного проведения анализа другим экспертом. Как, допустим, сопоставление отпечатков пальцев или результатов определения группы крови. Политическую же оценку, данную одним литератором, вполне мог оспорить другой.

Однако у инициаторов «дела Синявского и Даниэля» уже не было выхода. Если экспертные заключения подготовить нельзя, значит, их нужно имитировать. Создать хотя бы видимость экспертизы.

Разумеется, видимость готовили заранее. Об этом догадывались защитники Синявского и Даниэля – на родине, и за границей.

Ну а возможность реконструировать планы такого рода подготовки появилась лишь тридцать лет спустя, когда были опубликованы секретные документы. В частности, после ареста двух нарушителей государственной издательской монополии председатель КГБ и генеральный прокурор СССР докладывали ЦК партии о планах дальнейших этапов: «По окончании следствия и после решения вопроса об ответственности арестованных Синявского и Даниэля Союзу писателей СССР обеспечить участие писательской общественности в заключительных мероприятиях по делу, вопрос о которых будет решен Прокуратурой СССР, КГБ и судебными органами»³⁷.

Аналогичным образом велась и досудебная подготовка. Стараниями мнимых экспертов.

³⁷ Цит. по: «Семичастный В. Е., Руденко Р. А.» Записка Председателя Комитета государственной безопасности при СМ СССР В. Е. Семичастного и Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко // Вопросы литературы. 1996. № 2. С. 297.

«Перевертыши»

В качестве экспертного заключения газета «Известия» напечатала 12 января 1965 года упомянутую выше статью Еремина. Она была еще и ответом на многочисленные протесты иностранных журналистов, писателей, ученых.

Формально же Еремин к соотечественникам обращался. Словно бы о новостях рассказывал: «Враги коммунизма не брезгливы. С каким воодушевлением сервируют они любую “сенсацию”, подобранную на задворках антисоветчины! Так случилось и некоторое время назад. В буржуазной печати и радио стали появляться сообщения о “необоснованном аресте” в Москве двух “литераторов”, печатавших за границей антисоветские пасквилы. Как тут не разыграться нечистой совести и столь же нечистому воображению западных пропагандистов! И вот они уже широкими мазками живописуют мифическую “чистку в советских литературных кругах”, утверждают, будто эти круги “до крайности встревожены угрозой нового похода” против “антикоммунистически настроенных писателей” и вообще “против либеральных кругов интеллигенции”. Спрашивается, что же случилось на самом деле? Отчего воспрянула черная рать антисоветчиков? Почему в ее объятия попали отдельные зарубежные интеллигенты, которые в этой компании выглядят достаточно странно? Зачем иные господа становятся в позу менторов, чуть ли не охранителей наших нравов и делают вид, будто защищают двух отщепенцев “от имени” советской интеллигенции?».

Оборот «необоснованный арест» взят в кавычки не только для обозначения цитаты, источник которой не указан. Автор статьи акцентировал, что его иностранные оппоненты лгут: мера пресечения выбрана обоснованно.

По той же причине и слово «литераторы» – в кавычках. Еремин акцентировал, что о литературе тут нет речи, арестованные решали только политические задачи: «Прикрывшись псевдонимами Абрама Терца и Николая Аржака, они в течение нескольких лет тайно переправляли в зарубежные издательства и печатали там грязные пасквилы на свою страну, на партию, на советский строй».

Взят в кавычки и оборот «от имени советской интеллигенции». Значит, в СССР нет желающих защитить «двух отщепенцев».

Иное дело – вне СССР. Еремин утверждал, что «в идеологических битвах между двумя мирами враги нового общества не очень-то разборчивы в средствах. И когда в их окопах оказываются двое оборотней, то последних, за неимением лучшего, спешат поднять на щит».

Сказанное про «оборотней» корреспондировало с заглавием статьи – «Перевертыши». Далее тезис был обоснован. Согласно Еремину, «враги коммунизма нашли то, что искали: двух отщепенцев, символом веры для которых стали двуличие и бесстыдство».

Пафос – разоблачение «отщепенцев». Еремин утверждал, что их литературная деятельность в СССР была «фальшивым фасадом. За ним скрывалось иное: ненависть к нашему строю, гнусное издевательство над самым дорогим для Родины и народа».

Собственно литературная оценка заграничных публикаций объявлялась излишней. Еремин утверждал: «Первое, что испытываешь при чтении их сочинений, – это брезгливость. Противно цитировать пошлости, которыми пестрят страницы их книг. Оба с болезненным сладострастием копаются в сексуальных и психопатологических “проблемах”. Оба демонстрируют предельное нравственное падение. Оба выплескивают на бумагу все самое гнусное, самое грязное».

Отсюда следовало, что Еремин преодолел брезгливость. Благодаря чему избавил сограждан от необходимости ознакомиться с трудами «отщепенцев». Для убедительности и цитаты подобрал: «Женщины, – пишет в одном из своих “произведений” Даниэль-Аржак, – похожие на кастрированных мужчин, гуляют по улицам и бульварам. Коротконогие, словно беременная

такса, или голенастые, как страус, они прячут под платьем опухоли и кровоподтеки, затягиваются в корсет, подшивают вату взамен грудей».

Получилось, что «Даниэль-Аржак» издевательски характеризовал советских женщин. Высмеивал их.

На самом деле приведена цитата из повести «Суд идет», написанной Синявским, и воспроизведено мнение не автора, но персонажа. Кстати, самовлюбленной женщины.

Еремин, как говорится, вырвал цитату из контекста. С какой целью – вполне объяснимо. Иной вопрос, почему авторов перепутал.

Ошибка вовсе не случайная. Достаточно опытным литератором был сталинский лауреат. Только вот цитаты не сам подбирал – уже выбранные получил заранее. От тех, кто процесс готовил. Впопыхах перепутали они подготовленные выписки.

Далее Еремин настаивал, что «Даниэль-Аржак» не только над женской внешностью издевался. Еще и клеветал: «Если это девушка – секретарь в редакции газеты, то “девчонка, доступная любому корректору”. О взрослых женщинах, как мы видим, и говорить нечего».

Цитировал Еремин опять Синявского. Но уже не повесть «Суд идет», а рассказ «Графоманы». И опять суждение персонажа приписал автору. Разумеется, вырвав из контекста: «Сейчас было важнее дать почувствовать этой вот Зиночке – смазливенькой секретарше – ее место в жизни и мое внутреннее достоинство. Девчонка, доступная любому корректору, а в дневные часы – редактору, который имел обычай шлепать ее по спине, смеет меня учить!»³⁸.

В дальнейшем использовался тот же прием. Но писателю инкриминировалась не только клевета. Еремин утверждал, что Даниэль настаивает на использовании ручных гранат в борьбе с советским режимом. Он «устаи своего “героя” обращается прямо к читателю и подсказывает такой образ действий: “Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю. Падай! Рвануло. Теперь бросок вперед. На бегу – от живота, веером. Очередь. Очередь. Очередь... Вот они лежат – искромсанные взрывом, изрешеченные пулями...”».

Ну а далее – вывод. С необходимостью подразумевавший не только этическую оценку: «Как видим, на многое замахивается взбесившийся антисоветчик: по существу это провокационный призыв к террору».

В данном случае цитировал Еремин именно Даниэля. Но приведены опять не суждения повествователя. Это фрагмент внутреннего монолога героя, недавнего фронтовика: «Ненависть дает право на убийство. Ненавидя я и сам могу... Могу? Ну, разумеется, могу. Безусловно, могу. Кого я ненавижу? Кого я ненавидел за всю свою жизнь? Ну, школьные годы не в счет, а вот взрослым? Институт. Я ненавидел одного из преподавателей, который четыре раза подряд нарочно срезал меня на зачете. Ну, ладно, черт с ним, это было давно.

Начальство разных мастей, с которым мне довелось работать. Да, это были подлецы. Они изрядно попортили мне кровь. Морду бы им набить, сволочам. Кто еще? Писатель К., пишущий черносотенные романы. Да, да, я помню, как я говорил, что убил бы его, если бы знал, что мне за это ничего не будет. О, его, мерзавца, стоило бы проучить! Да так, чтоб он больше никогда к перу не прикоснулся... Ну а эти, толстомордые, заседающие и восседающие, вершители наших судеб, наши вожди и учителя, верные сыны народа, принимающие приветственные телеграммы от колхозников Рязанской области, от металлургов Криворожья, от императора Эфиопии, от съезда учителей, от Президента Соединенных Штатов, от персонала общественных уборных? Лучшие друзья советских физкультурников, литераторов, текстильщиков, дальтоников и умалишенных? Как с ними быть? Неужто простить? А тридцать седьмой год? А послевоенное безумие, когда страна, осатанев, билась в падучей, кликушествовала, пожирая самое себя? Они думают, что если они наклали на могилу Усатому, так с них и взятки гладки? Нет, нет, нет, с ними надо иначе; ты еще помнишь, как это делается? Запал. Сорвать предо-

³⁸ См.: Синявский А. Д. Графоманы // Цена метафоры. 1989. С. 194.

хранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю. Падай! Рвануло. А теперь – бросок вперед. На бегу – от живота, веером. Очередь. Очередь. Очередь...»³⁹.

Но, как подчеркивает сам персонаж, такая месть неприемлема. Убитые «лежат, – искромсанные взрывом, изрешеченные пулями. Скользко: ноги скользят. Кто это? Ползет, волоча за собой кишки по паркету, усыпанному штукатуркой. А, это тот, обвешанный орденами, который сопровождает Главного в поездах! А почему он такой худой? Почему на нем ватник? Я его уже видел один раз, как он полз по грейдеру, вывалив в пыль синеву и красноту своего живота. А эти? Я их видел? Только тогда на них были пояса с надписью «Готтмитунс» на пряжках, фуражки с красными звездами, сапоги с низким подъемом, прямой наводкой, обмоткой, пилоткой, русские, немцы, грузины, румыны, евреи, венгры, бушлаты, плакаты, санбаты, лопаты, по трупам прошел студебеккер, два студебеккера, восемь студебеккеров, сорок студебеккеров, и ты так же будешь лежать, распластанный, как лягушка, – все это уже было!..».

Еремин опять вырвал цитату из контекста. Благодаря чему и сумел приписать Даниэлю «призыв к террору». Деяние, предусмотренное советским уголовным законодательством.

Пожалуй, вся статья – набор подобного рода «приписок». Так, Еремин утверждал, что «нельзя не обратить внимания и на такую деталь: русский по рождению, Андрей Синявский прикрывался именем Абрама Терца. Зачем? Да только с провокационной целью! Публикуя под именем Абрама Терца антисоветские повести и рассказы в зарубежных изданиях, Синявский пытался создать впечатление, будто в нашей стране существует антисемитизм, будто автор по имени Абрам Терц должен, мол, искать издателей на Западе, если он хочет “откровенно” писать о советской жизни. Убогая провокация, выдающая с головой и сочинителя, и его буржуазных покровителей».

Неважно, знал ли Еремин, что «Абрашка Терц» – герой, так сказать, фольклорный. В любом случае не меняется прагматика использованного приема.

Далее формулировались выводы. Еремин утверждал, что арестованные писатели «начали с малого: честность подменили беспринципностью, литературную деятельность, как ее понимают советские люди, – двурушничеством, искренность в своем отношении к жизни – нигилизмом, критиканством за спиной других, “перемыванием костей” ближних. И, начав с этих мелких пакостей, они уже не останавливались. Они продолжали катиться по наклонной плоскости. И, в конечном счете, докатились до преступлений против советской власти. Они поставили себя тем самым вне нашей литературы, вне сообщества советских людей. От мелкого паскудства до крупного предательства – такова дорожка, по которой они шествовали».

Тут подразумевались уже правовые оценки. Еремин к ним и подводил читателей: «Как мы уже видели, “сочинения” этих отщепенцев, насквозь проникнутые злобной клеветой на наш общественный строй, на наше государство, являют собой образчики антисоветской пропаганды. Всем содержанием своим они направлены на разжигание вражды между народами и государствами, на обострение военной опасности. По существу говоря, это выстрелы в спину народа, борющегося за мир на земле, за всеобщее счастье. Такие действия нельзя рассматривать иначе, как враждебные отношению к Родине».

Вот и баланс. Не только в области литературной. До суда обвинения формулировались.

³⁹ См.: Даниэль Ю. М. Говорит Москва // Цена метафоры. 1989. С. 69.

Обоснования приговора

Стоит отметить, что многие современники характеризовали статью Еремина как доно- сительскую. Это неверно.

Он вовсе не доносил. Хотя бы потому, что в доносе не было нужды: Синявский и Дани- эль уже пять месяцев, как находились под арестом. Прагматика статьи, подчеркнем, другая. Еремин заранее обосновывал выдвинутые следствием обвинения.

Разумеется, путаница в указаниях авторов крамольных публикаций была замечена ино- странными журналистами и литераторами, следившими за советской периодикой. Ошибки демонстрировали, что Еремин даже не читал то, что пытался раскритиковать.

Соответственно, кураторам готовившегося процесса срочно понадобилось исправить ошибки, демонстрируя, что те обусловлены лишь случайностью. Такую задачу решала З. С. Кедрина, литературовед и критик, сотрудник Института мировой литературы АН СССР. Ее статью опубликовала «Литературная газета» 22 января 1966 года⁴⁰.

Начинала Кедрина с оценки ситуации. Прежде всего – на уровне пропагандистском: «Еще до того, как выяснилось, что А. Синявский и Ю. Даниэль тайно печатались за рубежом под псевдонимами Абрама Терца и Николая Аржака, до того, как они были привлечены к ответственности за свои антисоветские “литературные забавы”, зарубежная капиталистическая пресса, радио, телевидение до небес превозносили их произведения».

Для советских читателей статус Кедриной был таким образом четко обозначен. Она – как Еремин – эксперт. Потому и получила недоступную ее согражданам возможность постоянно читать «капиталистическую прессу», следить за передачами радио и телевидения.

Иностранцы же – в большинстве своем – такой осведомленности не удивлялись. Поверх- ностным было их знакомство с реалиями «социалистического государства».

Кедрина же не вдавалась в подробности. Исходный тезис сразу обосновала: «Лондонская газета “Таймс”, например, объявляла творения Терца “блестящим опытом сатиры... достой- ным лучших образцов русской традиции”, а “Нью-Йорк Таймс” высказывала уверенность, что “каждый русский писатель гордился бы, если бы мог создать такие эссе, повести и афоризмы, как Абрам Терц”».

По Кедриной, эстетические достоинства публикаций тут ни при чем. Иностранным кри- тикам важна была прагматика именно политическая: «Еще в 1962 году радиостанция “Сво- бода” утверждала, что Абрам Терц “рисует советскую действительность с насмешкой...”. Аме- риканское агентство ЮПИ совсем недавно сообщало, что “Синявский специализировался на произведениях, высмеивающих советскую действительность”».

На советском уровне восприятия «создание произведений, “высмеивающих советскую действительность”» – уже преступление. Иностранцы же не воспринимали такого рода деятель- ность как преступную. Соответственно, Кедрина сообщала, что «итальянская газета “Джорно” повествует с эпическим спокойствием: “С 1959 г. в США и других западных странах появились брошюры и книги... антисоветского характера за подписью Абрама Терца”».

Именно этот тезис был важнейшим. «Антисоветский характер» публикаций Абрама Терца первыми заметили иностранные журналисты. И обсуждали это как нечто очевидное. Согласно Кедриной, «буржуазная пропаганда не скрывала своих политических оценок...».

Далее, по словам Кедриной, ситуация изменилась. В СССР были раскрыты псевдонимы, а за границей оказались забытыми прежние оценки. Потому и «удивительно, что в самое послед- нее время на Западе раздались голоса “доброжелателей”, озабоченных судьбой Синявского и Даниэля и уверяющих, что причины их ареста якобы неосновательны. Заступники и болель-

⁴⁰ Здесь и далее цит. по: Кедрина З. Наследники Смердякова // Литературная газета. 1966. 22 янв.

щики Синявского и Даниэля ныне деликатно умалчивают об антисоветском содержании их сочинений».

Кедрина утверждала, что «заступники и болельщики» лицемерны. Далее же сообщила: «Передо мною вашингтонские издания книг Абрама Терца и Николая Аржака».

Она, в отличие от Еремина, с публикациями ознакомилась не по чужим выпискам. Но выводы не изменились: «Я прочитала эти книги внимательно, и для меня совершенно ясно, что это самая настоящая антисоветчина, вдохновленная ненавистью к социалистическому строю».

Кедрина, подобно Еремину, обосновывала уже выдвинутые следствием обвинения. Правда, оговорила специально: «Разумеется, я не претендую на юридическое определение вины Аржака и Терца. Это дело судебных органов».

Оговорка не имела значения. Сказанного ранее было достаточно – «антисоветчина».

Но и кедринская оговорка вовсе не случайна. Это отклик на суждения иностранных журналистов.

Статья Еремина была сразу же замечена ими. Через два дня – 14 января – парижская газета «Монд» напечатала ответ А. Пьера – «В первый раз в советской прессе. “Известия” подтверждают арест Синявского и Даниэля»⁴¹.

О суждениях литературного функционера Пьер отзывался весьма резко. Утверждал: «Статья в “Известиях” более чем обвинительная. Ее автор, Еремин, лауреат Сталинской премии, ныне секретарь Московского отделения Союза писателей, практически произнес приговор “двум ренегатам”...».

Такой подход, настаивал французский журналист, не только противоправен в принципе. Еще и противоречит советскому же законодательству, потому как лишь суд может признать кого-либо виновным, а судебный процесс еще не начался.

Вполне предсказуемы были упреки в дальнейшем. Потому и понадобилась оговорка, добавленная автором либо редактором.

Далее Кедрина развивала ереминские тезисы. Настаивала, что Синявский и Даниэль решали задачи политические, а не литературные: «Может быть, при всей враждебности нам содержания этих произведений авторы их все же способные люди, какими их хотят представить зарубежные покровители? Нет. Даже если отвлечься от всего того, что в этих книгах возмущает вас как советского человека, читать их неприятно и скучно, – в иных случаях из-за примитивной прямолинейности, художественного худосочия, в других – из-за нарочитой запутанности изложения, такого нагромождения всевозможных иносказаний, что иной раз начинает казаться, будто перед вами бессвязное бормотание».

Согласно Кедриной, любой непредубежденный читатель пришел бы к такому же выводу. Она утверждала: «Предельная запутанность формы у А. Терца служит всего лишь пестрым камуфляжем для его “основополагающих идей”, и когда ее сорвешь и отбросишь в сторону, поначалу голая схема даже ошеломляет: только-то и всего?! Два-три самых затасканных тезиса антисоветской пропаганды, знакомых с незапамятных времен».

Итак, опять «антисоветская пропаганда», неумело замаскированная «литературной формой». Сказанное относилось и к Даниэлю: «Особенно наглядно нищета мысли раскрывается в насквозь клеветнической повести Н. Аржака “Говорит Москва”».

Повесть, согласно Кедриной, выражает мечты автора о массовых убийствах соотечественников. Вот почему «заслуживающими поголовного истребления оказываются все люди, представляющие социалистический строй и осуществляющие государственную политику, люди, которых “герой” повести малюет в самых гнусных, издевательских тонах. “Как с ними быть?” И тут кровавый туман застилает глаза героя-рассказчика. И он взывает: “Ты еще пом-

⁴¹ Здесь и далее цит. по: Пьер А. Новая атака «Известий» против писателей Синявского и Даниэля // Белая книга. С. 104–105.

нишь, как это делается? Запал. Сорвать предохранительное кольцо. Швырнуть. Падай на землю. Падай! Рвануло. А теперь – бросок вперед. На бегу – от живота веером. Очередь. Очередь. Очередь...” И, упиваясь мысленным зрелищем разорванных животов и вывороченных кишок, кровавой кашей, где все перемешалось – “русские, немцы, грузины, румыны, евреи, венгры, бушлаты, плакаты, санбаты, лопаты”, – «положительный герой» грезит о студебеккерах – одном, двух, восьми, сорока, которые пройдут по трупам».

Кедрина использовала тот же прием, что и Еремин, – монтаж цитат, вырванных из контекста. И выводы формулировала именно в юридических терминах. Расхождение было незначительным: только при осмыслении псевдонима Синявского.

Еремин настаивал, что «русский по рождению», взяв псевдоним «Абрам Терц», стремился опорочить национальную политику СССР, доказать, что писатель-еврей не имеет возможности там публиковаться. Кедрина же инкриминировала Синявскому именно антисемитизм.

Не только инкриминировала. Еще и пыталась обосновать инвективу текстуально. Согласно Кедриной, любой непредубежденный читатель может уловить «стойкий “аромат” антисемитизма, которым веет уже от провокационной подмены имени Андрея Синявского псевдонимом – Абрам Терц. Повсеместно и не без умысла рассеяны в его “трудах” замечания, типа: “наглый и навязчивый, как все евреи”... “но что он мог понимать в русском национальном характере, этот Соломон Моисеевич?!”, и т. п. Все это составляет “букет” весьма определенного свойства. Неистребимый, провокационный запах этого “букета” никак не снимается многослойной иронией, призванной помочь автору в любой момент установить свою “непричастность” к им же написанному».

Про «непричастность» сказано отнюдь не случайно. Кедрина предупреждала возражения, потому что опять приписала автору суждения персонажей. Но даже читателям, знакомым с публикациями Синявского, очевидна была ее логическая ошибка: писатель, в художественных произведениях пропагандирующий антисемитизм, не выбрал бы акцентированно еврейский псевдоним.

Ошибка, надо полагать, видела и сама Кедрина. Ей при выполнении заказа пришлось не раз пренебречь логикой. Далее же она формулировала итоговый вывод: Синявский и Даниэль «нашли своих ценителей, издателей и почитателей в среде зарубежной реакции, все еще не теряющей надежду на то, что удастся сколотить “советское литературное подполье”. Напрасные надежды, господа!».

Статьи аналогичного содержания печатались затем в столичной и региональной периодике. Истерию старательно нагнетали. Создавалась видимость, будто на обвинительном приговоре настаивает «советская общественность»⁴².

Это была именно видимость. Мнения Еремина, Кедриной и других псевдоэкспертов оспорили десятки их соотечественников-литераторов, направивших в официальные инстанции соответствующие обращения. Разумеется, в советской прессе такие документы не печатались. И все же аргументы сторонников Даниэля и Синявского приходилось учитывать. И даже как-то отвечать. Ширилась огласка⁴³.

С целью утверждения официальных пропагандистских установок к непосредственному участию в процессе были привлечены именно литераторы. Они стали так называемыми общественными обвинителями.

Первый – А. Н. Васильев, секретарь Московского отделения СП. Сотрудник ОГПУ, затем партийный функционер и, наконец, профессиональный литератор. Полученное задание выпол-

⁴² См., напр.: Михайлов С. Клеветникам – по заслугам! // Комсомольская правда. 1966. 15 февр.

⁴³ См., напр.: Речь товарища М. А. Шолохова // Литературная газета. 1966. 2 апр.; Социалистическая демократия и борьба против идеологических диверсантов // Правда. 1966. 22 февр.; Строчков П. Революцией мобилизованная и призванная // Октябрь. 1966. № 6. С. 214–222.

нял старательно: обвинял Синявского даже от имени погибших на фронтах Великой Отечественной войны⁴⁴.

Сказанное Васильевым, кстати, вполне корреспондировало с рассуждениями государственного обвинителя. Тот Синявского и Даниэля обвинял от имени «всей советской интеллигенции».

Второй общественный обвинитель – Кедрина. Она в основном воспроизводила сказанное в ее цитированной выше статье.

Участие так называемых общественных обвинителей не противоречило закону. Это показывало, что обвинения выдвинуты не только представителями власти.

Но тогда подразумевалось и участие общественных защитников. Их не было, хотя желающих выступить в этой роли вызвалось немало⁴⁵.

Характерно, что в зале судебных заседаний разрешили присутствовать только женам подсудимых. Друзей Синявского и Даниэля не пропускали. Все места для публики оказывались – каждый раз – занятыми теми, кого не знали подсудимые. Методика, апробированная еще на показательных процессах сталинской эпохи.

В «деле Бродского» она тоже использовалась, правда, контроль не был столь тщательным. Неудачный опыт учтен организаторами в 1966 году. На этот раз ошибок не было: контролировали тщательно, отбирали только проверенных.

Запретить женам подсудимых вход в зал было бы нецелесообразно – с учетом международной огласки. Потому они и вели запись процесса, чему неоднократно пытался воспрепятствовать судья.

Вопреки стараниям обвинителей, судьи, а также всех публиковавших статьи о процессе, он стал провальным. Именно юридически. Структура обвинения развалилась прямо в зале судебных заседаний. Впрочем, это не могло повлиять на решение суда.

Оно было predetermined. ЦК КПСС поставил задачу, и отказаться от ее решения судья мог бы, только жертвуя партбилетом и, соответственно, должностью. По сути, это означало бы полный отказ от социальной реализации.

Да, в СССР нашлись бы судьи, готовые рискнуть. Однако таким и не поручили бы вести подобного рода процессы. На других уровнях селекция обеспечивалась.

⁴⁴ Подробнее см.: *Крымов Б.* Удел клеветников // Литературная газета. 1966. 15 февр.

⁴⁵ Подробнее см., напр.: Российские документы по делу А. Синявского и Ю. Даниэля // Грани. 1966. № 62. С. 19–118.

Серия отречений

Итоговый провал «дела Синявского и Даниэля» оказался еще более скандальным, чем начало. Соответственно, нужно было его компенсировать пропагандистски.

15 февраля 1966 года «Вечерняя Москва» поместила статью популярнейшей актрисы Е. Н. Гоголевой. Пафос отражал заголовок: «Клеветники наказаны»⁴⁶.

Гоголевой тогда – шестьдесят пять лет. Знаменита была не только на родине. И еще в 1949 году получила звание народной артистки СССР.

Ее статья тоже корреспондировала с высказываниями государственного обвинителя. Прокурор обвинял Синявского и Даниэля от имени «советской интеллигенции», ну а Гоголева – своего рода олицетворение этого понятия. Вот она и утверждала: «Не найдется сегодня в Москве, в стране человека, который всем сердцем не одобрит справедливого приговора, вынесенного подлым двурушникам и предателям интересов Родины».

Отнюдь не все современники, особенно знакомые актрисы, поверили, что автором статьи была сама Гоголева. С ее прежней репутацией не соотносилась акцентированная ненависть к уже осужденным и подвергавшимся широкомасштабной травле писателям.

Но в данном случае неважно, сама ли Гоголева подготовила статью или только согласилась, пусть даже вынужденно, подписать свою поставит. Важно, что имя знаменитой актрисы было использовано для подтверждения основного пропагандистского тезиса: вся «советская интеллигенция» считает приговор законным и справедливым.

Организовано было и публичное отречение коллег-филологов от Синявского. «Литературная газета» напечатала 17 февраля их открытое письмо – «Нет нравственного оправдания»⁴⁷.

Письмо начиналось именно с обвинения. И сразу же был указан статус авторов: «Мы, профессора и преподаватели филологического факультета Московского университета, решили обратиться в редакцию с этим письмом. Мы не можем не выразить публично своего отношения к беспринципной деятельности Андрея Синявского».

Авторы подчеркивали, что осужденный поступал именно беспринципно. Даже и вероломно: «Большинство из нас знали Андрея Синявского, когда он был студентом, потом аспирантом, наконец, кандидатом наук, защитившим диссертацию. Синявский не мог считать себя ни обиженным, ни обойденным. Он со студенческих лет привык к заботе и пониманию».

Если верить авторам письма, их возмутило именно вероломство. Соответственно, отмечалось: «Мы убеждены, что ни один честный ученый, ни один уважающий себя человек не в состоянии нравственно оправдать подобного поведения Синявского-Терца».

Отсюда следовало, что ни одного из тех, кто пытался защитить подсудимых, нельзя назвать «честным ученым» и даже «уважающим себя человеком». Далее оценивалась правомерность обвинительного приговора: «Но дело не только в нравственной оценке поведения Синявского, хотя сама по себе она необходима, коль скоро речь идет о принципиальности в деятельности филолога. Дело прежде всего в том, что сочинения Терца полны ненависти к коммунизму, к марксизму, к славным свершениям в нашей стране на протяжении всей истории Советского государства».

⁴⁶ Здесь и далее цит. по: Гоголева Е. Клеветники наказаны // Вечерняя Москва. 1966. 15 февр. Ср.: Клеветники наказаны // Советская Россия. 1966. 15 февр.; Клеветники наказаны // Заря Востока. 1966, 15 февр. Ср. также: Михайлов С. Клеветникам – по заслугам!

⁴⁷ Здесь и далее цит. по: Соколов А. Г., Соколов А. Н., Бонди С. М., Метченко А. И., Кулешов В. И., Ивашева В. В., Турбин В. Н., Неустроев В. П., Глаголев И. А., Любарева Е. П., Ахманова О. С., Андреев Л. Г., Будагов Р. А., Чемоданов Н. С., Гайденоко И. М., Николаев П. А., Юшин П. Ф., Горшкова К. В. Нет нравственного оправдания // Литературная газета. 1966. 17 февр.

Получалось, что приговор вынес не только суд. Уместность и правомерность обвинений подтверждало все научное сообщество: «Абрам Терц осмелился осуждать наше общество, наш народ, нашу мораль с позиций лицемерия и низости. Он поднял руку на все, что для нас бесконечно дорого и свято, на прошлое, настоящее и будущее нашей страны, на наше человеческое достоинство, на человека».

Среди восемнадцати подписавших были и весьма известные ученые. И неважно в данном случае, кто из них добровольно визировал отречение, а кого вынудили. Прагматика акции важна: Синявского пытались лишить и профессионального статуса – филолога.

Однако согласились с этим не все коллеги осужденного. По крайней мере, двое выразили несогласие открыто: А. М. Адамович и В. Д. Дувакин. Эпоха, конечно, была уже не сталинская, и упрямых не привлекли к уголовной ответственности как соучастников преступления. Но и без наказания не оставили. Оба в итоге лишились высокооплачиваемой работы на филологическом факультете самого престижного университета страны⁴⁸.

Далее, согласно плану, утвержденному ЦК КПСС, пришел черед литераторов. 19 февраля 1966 года «Литературная газета» поместила изобилующее гневными инвективами письмо Секретариата Союза писателей СССР⁴⁹.

Откликом на секретариатские инвективы стало и официальное исключение Синявского из советского писательского сообщества. Три дня спустя об этом сообщила «Литературная газета»⁵⁰.

Примечательно, что отнюдь не все состоявшие в ССП согласились с решением своего руководства. Нашлись и строптивые, пытавшиеся защитить коллег. Кстати, среди несогласных был и Войнович.

Меж тем шла подготовка к XXIII съезду КПСС. И газета «Правда» 22 февраля конкретизировала прагматику «дела Синявского и Даниэля». Пафос отражал заголовком передовицы «Социалистическая демократия и борьба против идеологических диверсий»⁵¹.

О справедливости приговора высказался и нобелевский лауреат – Шолохов. Его речь на партийном съезде опубликована «Правдой» 2 апреля⁵².

Шолохов тоже инкриминировал клевету Синявскому и Даниэлю. Даже объявил, что ему стыдно за тех, кто «оболгал Родину и облил грязью светлое для нас».

Но дежурными инвективами Шолохов не ограничился. Хрестоматийно известными стали его выводы правового характера: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а “руководствуясь революционным правосознанием”, ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о “суровости приговора”».

Нет оснований полагать, чтоб хоть кто-нибудь из делегатов XXIII съезда КПСС публично рассуждал в кулуарах о «суровости приговора». Речь Шолохова адресована прежде всего иностранным литераторам, пытавшимся защитить Синявского и Даниэля. К нобелевскому лауреату они многократно обращались – через официальные инстанции⁵³.

⁴⁸ Подробнее см., напр.: Хализев В. Е. По следам дела Синявского и Даниэля: Изгнание доцента В. Д. Дувакина с филологического факультета МГУ в 1966 году // Страницы истории русской литературы: Сб. статей. К семидесятилетию профессора В. И. Коровина. М.: Прометей, 2002. С. 410–419.

⁴⁹ См.: «Секретариат Союза писателей СССР» Открытое письмо в редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1966. 19 февр.

⁵⁰ В секретариате Московской писательской организации // Литературная газета. 1966. 22 февр.

⁵¹ См.: Социалистическая демократия и борьба против идеологических диверсантов // Правда. 1966. 22 февр. Ср.: Обзор писем читателей // Известия. 1966. 23 февр.

⁵² Здесь и далее цит. по: Шолохов М. А. Речь товарища М. А. Шолохова // Литературная газета. 1966. 2 апр.

⁵³ Письмо Михаилу Шолохову // Белая книга. С. 45; Михаилу Шолохову, лауреату Нобелевской премии 1965 года // Там же. С. 45–46; Телеграмма деятелей итальянской культуры Михаилу Шолохову // Там же. С. 46; Открытое письмо Михаилу Шолохову // Там же. С. 46–47; Телеграмма мексиканских писателей Михаилу Шолохову // Там же. С. 47; Телеграмма чилий-

Шолохов, разумеется, не отвечал. Наконец ответ был получен – через газету «Правда».

Репутационный ущерб Шолохова был велик. И за границей, и на родине. Теперь ему адресовали гневные открытые письма⁵⁴.

Вряд ли Шолохов действовал по собственной инициативе. Скорее, выступление обусловлено планом ЦК КПСС. Тем, что был утвержден еще осенью 1965 года. «Писательской общественности» надлежало осудить Синявского и Даниэля. Отречься от них. Вот и нобелевскому лауреату пришлось высказаться.

Иначе быть не могло. Выступление Шолохова создало необходимый контрапункт пропагандистской кампании. Лояльный писатель награжден по заслугам, ему и на родине почет, и международное признание, а нарушителям издательской монополии соответственно поругание и лагерные сроки – вопреки стараниям иностранных заступников.

Но советским идеологам так и не удалось полностью решить поставленные задачи. Опыт был негативным. И юридический, и пропагандистский. Такие результаты отнюдь не планировались.

ских писателей Михаилу Шолохову, декабрь 1965 // Там же. С. 48; Обращение к Михаилу Шолохову // Там же. С. 48–52.

⁵⁴ См., напр.: Чуковская Л. Открытое письмо М. Шолохову // Цена метафоры. М.: Книга, 1990. С. 502–506.

Опыт пресечения

«Дело Синявского и Даниэля» – в целом – попытка создать алгоритм пресечения и предотвращения несанкционированных публикаций за границей. Первая в послесталинскую эпоху. И – неудачная.

Задача была поставлена, когда Пастернак умело обошел негласные запреты, введенные еще на исходе 1920-х годов. Ну а Нобелевская премия нарушителю стала угрозой существованию государственной издательской модели. Тогда и выяснилось, что прежнее советское уголовное законодательство – сталинское – не приспособлено к новым политическим условиям.

Новое уголовное законодательство к тому времени уже разрабатывалось. Его принятие должно было символизировать еще и отказ от сталинского юридического наследия – одиозной «пятьдесят восьмой статьи».

Реформа была косметической. По сути мало что изменилось⁵⁵.

В новом УК РСФСР, конечно же, предусматривалась методика предупреждения и пресечения несанкционированных публикаций. Возможность уголовного преследования нарушителей запрета, пусть и по-прежнему негласного, предоставляла часть первая статьи 70.

Окончательно план был подготовлен после раскрытия псевдонимов Синявского и Даниэля. Ситуация вроде бы идеально соответствовала условиям задачи. Арестованных планировалось осудить на безупречно законном основании. Суд планировался как образцово-показательный, формирующий методику проведения аналогичных процессов. В общем, эталонный.

Но в связи с нобелевской интригой пришлось отложить начало судебного процесса. Тогда и темп был потерян, и возник такой фактор, как быстро ширившаяся за границей пропагандистская кампания в защиту Синявского и Даниэля.

Вовсе же неожиданным был сбой на юридическом уровне. Как отмечалось выше, юристы, готовившие новое уголовное законодательство, не сумели найти удобную формулировку той нормы права, которая стала аналогом соответствующего пункта одиозной «пятьдесят восьмой статьи».

Отсутствие базы доказательств не удалось компенсировать пропагандистским натиском. Выводы Еремина и Кедриной оспорили другие писатели и литературоведы, отправившие в официальные инстанции соответствующие обращения. И это обсуждалось в иностранной периодике.

Антипастернаковская кампания в 1958 году прошла сравнительно гладко. Тогда в литературных кругах считался гражданским подвигом даже отказ нескольких известных литераторов присутствовать на собрании, где нобелевского лауреата исключали из СП.

Удалось создать видимость, что полемику ведут лишь две противоборствующие силы: единая «литературная общественность СССР» и враждебные ей «буржуазные журналисты». А в итоге Пастернак заявил публично о своей ошибке.

Несколько менее удачным оказалось «дело Бродского». Подсудимый не признавал себя виновным, за него заступались несколько известных литераторов. Но инкриминировалось ему лишь административное нарушение, а для иностранцев, не знавших советские реалии, тут ясности не было. Да и приговор сравнительно мягкий.

В 1965–1966 годах ситуация изменилась радикально. Протесты были в СССР открытыми, и протестующих оказалось неожиданно много. Отсюда следовало, что пресловутая «литературная общественность» вовсе не едина в осуждении Синявского и Даниэля. Это был сбой на пропагандистском уровне.

⁵⁵ См., напр.: Фельдман Д. М. Терминология власти. С. 377–430.

Главное же, что и адвокаты не отступали от выбранной подсудимыми системы защиты. Не просили снисхождения, а настаивали: преступления не было. И ссылались на формулировку части первой статьи 70. Тем не менее приговор был вынесен достаточно суровый.

Вопреки стараниям советских журналистов провал судебного процесса был явным. За границей и в СССР. Не помогла и организованная после вынесения приговора новая пропагандистская кампания – серия отречений.

Характерно, что спустя двадцать пять лет генеральный прокурор СССР опротестовал приговор, ссылаясь на ту же формулировку части первой статьи 70. Пришел к выводу, что не выявлены доказательства преступного умысла Синявского и Даниэля.

Отмена приговора была, разумеется, акцией не столько юридической, сколько политической. Но вывод прокурора все же можно признать вполне корректным.

Выводы сделало партийное руководство и в 1966 году. Разумеется, статью 70 УК РСФСР не отменили как нефункциональную. Однако юристы получили задание – подготовить новую, причем сформулировать так, чтобы не стеснять правоприменителей.

Юристы выполнили задание вскоре. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР с 16 сентября 1966 года республиканский УК был дополнен статьей 190' – «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»⁵⁶.

Аналогичные статьи введены в УК остальных союзных республик. Правда, несколько позже.

Обновленная формулировка была несколько удобней – правоприменителям. Там вообще не упоминались «агитация», «пропаганда» и «цели».

Не было и речи о чем-либо «антисоветском». Статья гласила: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания...».

Изменилась и общая характеристика такого рода действий. «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», относилось уже к «преступлениям против порядка управления», а не «особо опасным государственным». Соответственно изменились и санкции: «Наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей».

Юристы, подготовившие эту норму права, решали задачи, поставленные ЦК КПСС. Формулировки новой статьи должны были позволить обойти проблемы, возникшие при судебном рассмотрении «дела Синявского и Даниэля».

Прежде всего, надлежало избавиться от необходимости доказывать преступный умысел – наличие пресловутых «целей подрыва или ослабления Советской власти». Опыт недавнего процесса демонстрировал, что при отсутствии признания арестованных проблема весьма сложна, а в ряде случаев и неразрешима.

Другая проблема – адресованные советскому руководству обвинения в необоснованной жестокости. Уже с началом судебного процесса они выдвигались иностранными журналистами, утверждавшими, что если и считать литературную деятельность арестованных преступной, так наказание все равно несоразмерно содеянному.

К сентябрю 1966 года проблемы вроде бы решили. Но формулировка статьи 190' была тоже нефункциональной.

Она, во-первых, обязывала правоприменителей доказывать: распространялись сведения **заведомо ложные**, значит, обвиняемым было заранее известно, что это – ложь. А доказать такое весьма сложно.

⁵⁶ Здесь и далее цит. по: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 3. Ст. 1038. Впервые отмечено: Цой Ю. И. Указ. соч.

Во-вторых, формулировка новой статьи обязывала правоприменителей доказывать: пресловутые измышления порочат «советский государственный и общественный строй». Задача тоже непростая, в статье не определялось, какие сведения – «порочающие».

Однако в данном случае невнятность была опять «продуманной». Начни законодатели объяснять, что имеют в виду, возникли бы другие трудности.

Кстати, невнятность формулировки и позволила четверть века спустя отменить многие приговоры. На вполне законном основании признать: не было «состава преступления».

Отметим, что опыт «дела Синявского и Даниэля» был учтен и на организационном уровне. Неудача показала, что в ходе судебных процессов политического характера гласность категорически нежелательна. И в дальнейшем обвиняемых по статьям 70 или 190 ' судили, не используя масштабные пропагандистские кампании.

Ну а в 1966 году, вновь подчеркнем, «дело Синявского и Даниэля» воспринималось как символ новой эпохи. Брежневской. Судебный процесс демонстрировал: нарушения государственной издательской монополии будут пресекаться любыми способами. Даже и противоправными.

Применительно к «самиздату» и «тамиздату» предупреждение было внятным. «Дело Синявского и Даниэля» показало, что вопрос признания какого-либо текста «антисоветским», «клеветническим» решается исключительно мнением псевдоэкспертов. Соответственно, полемика бесполезна.

В 1966 году обозначен был прецедент. Выявление распространителей «самиздата» и «тамиздата» с необходимостью подразумевало расследование. И разумеется, следственные действия по отношению к родственникам и друзьям виновных. Слежку, вызовы на допросы. Аналогично – различные притеснения на работе. Вплоть до увольнения. По максимуму же – вполне реальный лагерный срок. Вне зависимости от того, найдут ли доказательства следователи.

Можно предположить, что соображениями такого рода и руководствовался Липкин. Надеялся, допустим, что хотя бы через год-другой сумеет отправить роман за границу, не рискуя ни собой, ни родственниками Гроссмана, а надежды оказались напрасными, ситуация лишь ухудшалась.

Предположить можно, а подтвердить опять нечем. О «деле Синявского и Даниэля» тоже нет упоминаний в мемуарах Липкина. Ни в связи с гроссмановским романом, ни без нее.

Часть II Эхо суда

Без ведома и согласия

Вызванный «делом Синявского и Даниэля» скандал еще не затих, когда сложилась довольно странная ситуация, провоцировавшая новый, аналогичный. Правда, он так и не развился.

На этот раз прогнозировавшийся скандал был связан с западногерманской периодикой. 17 февраля 1967 года газета «Посев», принадлежавшая одноименному издательству, начала публикацию глав автобиографической книги шестидесятидвухлетней советской журналистки Е. С. Гинзбург. Это, как известно, воспоминания об аресте в 1937 году, тюрьме, лагерях. Заглавие – в духе эпохи: «Крутой маршрут. Хроника времен культа личности»⁵⁷.

Начиналась публикация с редакционного предисловия. Авторы констатировали: «В этом номере “Посева” мы начинаем печатать отрывки из хроники “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург. Это произведение является центральным материалом подпольного журнала “Феникс 1967”».

Отметим, что составители предыдущего выпуска «Феникса» были уже арестованы. Ранее об арестах сообщал принадлежавший издательству «Посев» журнал «Грани». Публикация романа Гинзбург вскоре началась и там⁵⁸.

В посевовской публикации не объяснено, как попала в издательство рукопись Гинзбург. Обозначена только предыстория: «Слухи о том, что мать писателя Василия Аксенова, репрессированная в ежовщину и освобожденная после XX съезда, написала свои воспоминания, ходят по Москве уже два-три года. Рассказывали, что воспоминания посвящены годам “культа личности”, что они были отданы якобы в редакцию журнала “Новый мир”, что произведение это оставляет неизгладимое впечатление».

Далее кратко излагалась биография Гинзбург. Университет, замужество, работа в советской прессе, аресты, лагерь, ссылки, пресловутая реабилитация и вновь – журналистика.

Формулировались и выводы. Разумеется, публицистического характера: «В наши дни острой борьбы против попыток возрождения в России сталинизма в высшей степени важно такое свидетельство, такое напоминание о том немыслимом зле, которому подвергались люди и страна в те годы. Да только ли в те? Читая воспоминания Е. Гинзбург и сравнивая то время с нынешним, в который раз убеждаешься, что в принципе мало что изменилось. И наглядным доказательством этого является тот факт, что “Хроника времен культа личности” публикуется не в СССР, а за границей, не в “Новом мире”, а в “Посеве” и “Гранях”».

С учетом контекста эпохи следует отметить, что предисловие весьма странное. Авторы словно и не подозревали, что «Посев» будут читать в КГБ.

Из сказанного в предисловии следовало, что рукопись Гинзбург оказалась за границей нелегально. И способы доставки угадывались.

⁵⁷ См.: Гинзбург Е. С. Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февр., 24 февр., 3 мар., 10 мар. См. также: «Феникс 1966»: Сообщение журнала «Грани» в Париже // Грани. 1967. № 63. С. 5–8. Подробнее см.: Бит-Юнан Ю. Г., Митюшова А. С. Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е. С. Гинзбург и В. С. Гроссмана // Вестник РГГУ. 2015. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 5. С. 61–72.

⁵⁸ Гинзбург Е. С. Крутой маршрут // Грани. 1967. № 64. С. 81–111; № 65. С. 51–99; № 66. С. 45–149; 1968. № 67. С. 71–88; № 68. С. 9–100.

Первый вариант: Гинзбург нашла способ передать рукопись в «Посев». Обычно делалось это с помощью иностранных журналистов.

Второй, соответственно: рукопись Гинзбург из редакции «Нового мира» попала к составителям упомянутого «подпольного журнала “Феникс 1967”». Оттуда – за границу, опять же с помощью иностранных журналистов.

Третий вариант: рукопись матери передал в «самиздат» или с помощью иностранных журналистов отправил за границу Аксенов. Он, как известно, носил фамилию отца, первого мужа Гинзбург, тоже прошедшего тюрьму и лагерь.

В итоге получилось, что редакция эмигрантского издания напечатала донос на Гинзбург, сотрудников журнала «Новый мир» и Аксенова. Так, словно бы между прочим. Будто бы и не заметив это.

Странное, однако, сочетание осведомленности и наивности. Как десятилетием ранее – в связи с посевовской же публикацией романа Дудинцева «Не хлебом единым».

Однако интересно не только это. Издательство еще и присвоило авторские права, не сообщая о согласии Гинзбург. Первая же публикация 17 февраля 1967 года предварялась сообщением: «Copyright 1967 by Possev-Verlag, Frankfurt/Main. Все права сохранены за издательством “Посев”. Перепечатка без согласования с издательством, даже в выдержках, воспрещается».

Аналогичное объявление поместил и журнал «Грани». Что закономерно: издатель-то один.

Его решение, впрочем, было предварительно обосновано. В номере журнала «Грани», предшествовавшего тому, где публиковался «Крутой маршрут», помещено обращение «Посева» к советским гражданам. Призывали их передавать издательству все материалы, публикация которых оказалась невозможной по цензурным соображениям. Оговаривалось специально: «Рукописи, вышедшие в Самиздате, перестают быть исключительным достоянием автора, – они становятся достоянием российской литературы»⁵⁹.

Сказанное в издательском обращении вполне корреспондировало с газетным предисловием. Коль скоро «Крутой маршрут» печатался в «самиздатовском» журнале, все напечатанное стало «достоянием российской литературы». Значит, издатели-эмигранты не нарушали правило, ими же введенное: «Поэтому наше издательство считает прямым своим долгом способствовать публикации таких рукописей, поскольку новая российская литература лишена политической цензурой права голоса у себя в стране. При этом мы, естественно, не пытаемся заручиться формальным разрешением автора на такие публикации».

Оговаривались и финансовые проблемы. Издательство обещало: «Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в “Посеве” ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможность получить их».

Все это было юридически безосновательно. Не следовало откуда-либо с необходимостью, что издательство «Посев» должно стать единственным обладателем прав на публикацию «достояния русской литературы».

Публикациями в периодике эмигрантское издательство не ограничилось. Вскоре была напечатана и книга Гинзбург⁶⁰.

Интерес к автору проявил не только «Посев». Еще и в Италии была опубликована тогда же книга советской журналистки. Выпустило ее издательство «Мондадори»⁶¹.

⁵⁹ См., напр.: Обращение издательства «Посев» к литературной молодежи и студенчеству, к писателям, поэтам, литературным критикам, к деятелям искусства, науки и техники – ко всей российской интеллигенции // Грани. 1967. № 63. С. 222–224.

⁶⁰ Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Frankfurt/M: Possev-Verlag, 1967.

⁶¹ Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Moandadori, 1967.

Правда, издатели в Италии действовали по договоренности с западногерманскими коллегами. В первом посевовском книжном издании указывалось, что авторские права получило также издательство «Мондадори».

Зачем «Посевом» поделены авторские права с «Мондадори» – не объяснялось. А ведь решение было неординарным, раз уж эмигрантское издательство заранее строго оговаривало, что без его согласия перепечатка, «даже в выдержках, запрещается».

Однако еще более странным оказался итог. **За границей с февраля 1967 года по май печатали «Крутой маршрут» два эмигрантских периодических издания, дважды была выпущена книга, а в Советском Союзе это словно бы не заметили.** Как будто и не прочли в КГБ предисловие к первой же посевовской публикации.

Подчеркнем: на основании предисловия уже можно было сформулировать обвинения в адрес всех, кто в СССР был связан с публикацией «Крутого маршрута». От Гинзбург – до подразумеваемых активистов «самиздата».

Гинзбург еще могла бы утверждать, что она, бывшая лагерница, полностью оправданная и получившая вновь партбилет, вовсе не считала свою книгу антисоветской, потому и не прятала рукопись. Наоборот, передала редакции «Нового мира».

Впрочем, подобного рода оправдания относились бы лишь к вопросу о наличии/отсутствии преступного умысла. Что до политической оценки «Крутого маршрута», так все уже было сказано посевовскими редакторами: антисоветское сочинение, потому и рукопись доставлена в издательство нелегально.

Для КГБ политическая оценка – отнюдь не первоочередная задача. Иностранная публикация стала, подчеркнем, уже постольку антисоветской, поскольку была несанкционированной. Требовалось бы лишь выяснить, сама ли Гинзбург инициировала доставку рукописи за границу, или сотрудники «Нового мира» оказались инициаторами.

Нет оснований полагать, что с иностранными публикациями Гинзбург не ознакомились в КГБ. И в ЦК КПСС тоже поступили сведения. Но там, подчеркнем, не торопились принимать решения.

Асимметричный ответ

К лету 1967 года международная известность гинзбурговской книги ширилась, ее переводили на европейские языки. Разумеется, не спрашивая разрешения автора.

О нарушении прав Гинзбург впервые заявила газета итальянской коммунистической партии «Унита». 1 июня 1967 года там опубликована статья, включавшая в себя интервью с автором «Крутого маршрута». Как сказано в редакционном врезе, «трагической и человеческой книги, написанной истинной коммунисткой»⁶².

Эта характеристика повторена не раз. В статье подчеркивалось, что бывшая лагерница по-прежнему верна идеалам юности: «На широком лице сельской учительницы Евгении Гинзбург – улыбка. Уверенная и яркая улыбка, обретенная раз и навсегда. Мы говорим с ней о ее книге “Крутой маршрут”, ставшей столь популярной в Италии. Это, как уже известно читателю, история советской коммунистки, оказавшейся в трагическом водовороте репрессий. Арестованная по ложному обвинению в 1937 г., как многие и многие другие коммунисты, она познала жизнь в трудовом лагере Эльгена и Магадана. На свободу вышла лишь десять лет спустя и лишь для того, чтобы вскоре после того вновь попасть под арест. Тянулись долгие годы заключения, пока благодаря растущему самосознанию страны не начал назревать XX съезд партии. В 1955 г. Гинзбург смогла вернуться в Москву и получить справку о реабилитации и партбилет».

Далее авторы статьи вновь перешли к оценке романа. Прежде всего – политической: «Книга вышла в Италии, но это, как нетрудно заметить, лишь первая часть гораздо более пространного сочинения, “хроники времен культа личности”, характеристики самой атмосферы событий, которые нанесли столь глубокую рану Стране Октября. Это свидетельство коммунистки, которая обрела уверенность в людях, в партии, в товарищах, в их способности выявлять ошибки, уверенность в неудержимой силе веры».

Обсуждалась и специфика издания. В нынешней терминологии – пиратского: «Часть книги уже вышла в Италии, но она еще не издана в СССР. Это обстоятельство объяснил сам редактор в небезынтересном постскрипуме. Написано это рукой умелого “издателя-искусителя”, который сделал ставку на громкое событие и решил создать вокруг книги и ее автора атмосферу таинственности, секретности. Издатель пишет, что работа эта попала на Запад “почти случайно”. “Скажем, – добавляет он, – что работа эта была найдена”, а еще “автор ее живет и работает в Москве”».

Сотрудники издательства «Мондадори» и в самом деле выбрали интригующие приемы. Вот и возникло противоречие: либо рукопись «Крутого маршрута» распространялась с ведома автора, тогда за границу попала закономерно, либо Гинзбург о том не подозревала. Обороты же «почти случайно» и «была найдена» не объясняют ничего.

Если верить итальянским журналистам, они, почерпнув сведения в «небезынтересном постскрипуме», решили выяснить, что же скрывал «издатель-искуситель». Откладывать не стали: «Вот мы и приехали в Москву, в квартиру той самой писательницы. Здесь, на правой стороне Ленинградского проспекта, множество писательских квартир, а напротив – недавно построенный воздушный терминал. Квартира эта, правда, пока плохо обставлена: Гинзбург получила ее всего несколько недель назад от Союза Писателей СССР. До вчерашнего дня она жила со своим сыном, новеллистом Василием Аксеновым. На круглом столе, рядом с пишущей машинкой, лежат машинописные страницы последней главы второй части книги».

Далее – описание интерьера. В первую очередь, понятно, книжные полки, где рядом с русской и советской классикой – «итальянское издание “Крутого маршрута”».

⁶² Здесь и далее цит. по: Guerra A. Colloquio a Mosca con Evghenia Ginzburg. Il viaggio nella vertigine // l'Unita. 1967, 1 giugno. Пер. с итал. Ю. Г. Бит-Юнана.

Перешли к теме публикаторских манипуляций. Обсуждался именно «небезынтересный постскрипtum»: «Вскоре речь заходит о формулировке “книга случайно обнаружена”. “Вот как поступают порядочные люди, – говорит Гинзбург, – когда находят на дороге что-то принадлежащее другому человеку? А? В любом цивилизованном обществе элементарные правила вежливости обязывают такого человека вернуть эту вещь ее законному владельцу, тем более если фамилия его указана. А как нам тогда назвать того, кто присвоил себе чужую собственность и использует ее в своих интересах?” Евгения Гинзбург продолжает листать книгу, и вскоре в ее глазах загораются искорки. “Здесь, – добавляет она, – на первой странице торжественно написано, что “все права во всех странах мира закреплены за синьором Мондадори”. Может, я несколько и наивна, но фраза эта меня поразила. Как же так вышло, что вся моя боль, все мои страдания и размышления – вся моя работа, в конечном счете, стали ни с того ни с сего частной собственностью Мондадори, синьора, которого я даже не имею чести знать?”».

Инвективы в адрес итальянского издательства обосновывались не только соображениями этического характера. Авторы статьи утверждали, что «случай этот, вероятно, не рядовой. Издатели всего света при публикации советских произведений наслаждаются той относительной свободой, которой их наделил сам СССР, отказавшийся подписать конвенцию авторских прав. Но на историю с Гинзбург это не распространяется, поскольку Мондадори опубликовал “случайно обнаруженную” рукопись, а не уже напечатанное произведение. К тому же автор рукописи отметил в самой этой рукописи, что работа над ней продолжается. “То, что опубликовал Мондадори, – говорит автор, – это лишь часть моего “исторического романа”, и на завершение моей работы мне нужен, по меньшей мере, год. Хочу также добавить, что пишу эту книгу я, в первую очередь, для советского читателя, и, когда книга будет завершена, я ее предоставлю какому-нибудь издательству в моей стране”».

Таким образом, сотрудники издательства «Мондадори» характеризовались как мошенники. Далее авторы статьи множили инвективы: «Речь идет о важных и совершенно обоснованных, как нам кажется, уточнениях, касающихся атмосферы “таинственности”, которой издатель хотел окутать личность писателя, имеющего все достоинства, чтобы добиться успеха без впрыскивания “желтизны” и создания “случаев”».

Авторы статьи намекали, что стараниями издательства «Мондадори» советская писательница едва не обрела статус антисоветской. Внятно обозначенный тезис развивался далее: «Постепенно разговор заходит о ее писательской жизни, и вскоре нашему взору предстает воительница, полная сил, энергии, целеустремленности. Гинзбург опубликовала (и продолжает публиковать) статьи о проблемах педагогики в “Известиях”, а также рассказы в журнале “Юность”, которым руководит Борис Полевой. По мотивам этих рассказов телецентр Казани недавно снял фильм. Рассказы эти – последние из них появились в 11 номере “Юности” за 1965 г. и в 8 номере 1966 г. – это, по сути, первые главы автобиографии, предыстория к “Крутому маршруту”. В них рассказывается о школьной и комсомольской жизни, а также о поразительных, насыщенных 1920-х гг. Скоро должна быть опубликована и третья часть – и снова в “Юности”. В ней речь пойдет о молодом комиссаре, расстрелянном белыми в Туркменистане. Затем – главный ее труд, долгий, драматический и суровый рассказ-одиссея, история жизни, прожитой ради того, чтобы восстановить смысл слова “товарищ” и убедиться, что разум восторжествовал».

Сотрудники итальянской коммунистической газеты вновь акцентировали, что Гинзбург – образцовый представитель той партии, где изначально было принято обращение «товарищ». Ну а книга истинной коммунистки стала продолжением дела ее жизни.

Обозначены были и планы издания. Так, авторы статьи отметили: «Первая часть, уже вышедшая в Италии, представляет для нас огромный интерес. Эта книга, в первую очередь, помогает нам более полно понять решения, обсужденные на XX съезде КПСС, показывает их связь с процессами 1937 г., а также то, как вскоре после убийства Кирова запущился репрес-

сивный механизм. Третья же часть раскроет замысел всего сочинения. Гинзбург нам рассказывает о событии, одно воспоминание о котором ее трогает до глубины души. Это незабываемый день возвращения в Москву в 1955 г. – первые шаги по газону аэропорта после многочасового перелета из Магадана на старом медленном рейсовом самолете. Позже, в тот же день, – церемония в зале заседаний Центрального Комитета партии. Реабилитация и возможность снова смотреть своим товарищам в глаза».

В статье приведены и сведения о детях Гинзбург. Так, сказано, что в 1948 г. к ней, ссыльной, приехал Аксенов, младший сын, ему «тогда было 16 лет. Старший же погиб под Ленинградом в 1942 г. в бою с немцами. Сейчас ему было бы 40 лет».

Далее, разумеется, выводы. Акцентировалось: «Это – Евгения Гинзбург, твердая духом женщина, товарищ, которому есть что рассказать».

Завершалась статья очередным панегириком XX съезду КПСС. И разумеется, таким коммунистам, как Гинзбург, сохранившим в тяжелейших условиях «силу, мужество и веру».

Подчеркнем, что статья – панегирическая. Адресована она, понятно, итальянским читателям. Но если учитывать советский контекст, то многое из рассказанного сотрудниками коммунистической газеты вызывает сомнения.

Допустим, редакция газеты «Унита» по собственной инициативе решила вдруг защитить права Гинзбург и нашла средства для командировки сотрудников в Москву. Предположим, они знали русский язык, благодаря чему самостоятельно обратились в какое-либо отделение московского справочного бюро, установили адрес писательницы и предложили встретиться, обсудить книгу, выпущенную издательством «Мондадори». Но дальнейшее – все более загадочно.

В 1960-е годы советские граждане и особенно литераторы-профессионалы избегали встреч с иностранными журналистами, если это не было заранее разрешено, а Гинзбург согласилась встретиться и дать интервью, причем сразу, без каких-либо предварительных условий. По крайней мере, сведений о них в статье нет.

На книжной полке Гинзбург, если верить статье, образец так называемого «тамиздата»: книга, выпущенная за границей в качестве антисоветской. Ее нельзя было купить в СССР. И нет оснований полагать, что такой подарок автор получил от издательства «Мондадори».

Однако самым важным можно считать то, что в статье даже не упомянуты западногерманские публикации «Крутого маршрута». «Унита» полемизировала только с «Мондадори», инкриминируя сотрудникам издательства воровство либо использование краденого, а вот посевовское участие замалчивалось.

Именно замалчивалось – вполне сознательно действовали авторы статьи. Посевовские издания продавались в тех же итальянских магазинах, что и прочие русскоязычные, включая книгу, выпущенную издательством «Мондадори». Не заметить такое профессиональные журналисты не могли.

Если прагматика статьи – защита авторских прав и репутации Гинзбург как советского писателя, что было заявлено журналистами, то умолчание о западногерманских публикациях нецелесообразно. Заявленным целям не только не соответствует, но и препятствует их достижению.

Отметим также, что издательство «Мондадори» не пыталось оправдываться. Игнорировало обвинения коммунистической газеты.

Полемика странная получилась. Но ее прагматика ясна, если учитывать крайне важное обстоятельство. Известно, что газете итальянских коммунистов, да и почти любому аналогичному изданию во всем мире, ЦК КПСС негласно помогал финансово. Ну а кто платил, тот и музыку заказывал.

Корреспонденты итальянской коммунистической газеты **выполнили заказ.** Их статья демонстрировала: к автору «Крутого маршрута» нет претензий на родине. По-прежнему Гинзбург пишет книгу, не опасаясь притеснений в связи с неэтичными инициативами какого бы то

ни было заграничного издателя, и обижена только на издательство «Мондадори», заполучившее неведомым образом ее незаконченную рукопись.

Другой вопрос – почему из ЦК КПСС, где еще недавно санкционировали осуждение Синявского и Даниэля, равным образом аресты и последовавшие затем обвинительные приговоры активистам «самиздата», поступил такой странный заказ: объявить через газету итальянских коммунистов, что Гинзбург не была инициатором публикаций «Крутого маршрута».

Более того, еще и обвинить издательство «Мондадори» чуть ли не в краже рукописи.

Ответа не было. Потому что вопрос не ставился ни мемуаристами, ни историками литературы.

Новые загадки

В советской печати несанкционированные публикации Гинзбург не обсуждались. Как будто их не заметили. Аналогично и десятилетием ранее оставалась словно бы незамеченной посековская же публикация романа «Не хлебом единым».

Сведений о притеснениях Гинзбург в качестве литератора нет. Она печаталась на родине, умерла в 1977 году.

Два года спустя издательство «Мондадори» опять выпустило «Крутой маршрут». На этот раз книга была опубликована полностью, да еще и с послесловием автора⁶³.

Разумеется, издатели не сообщили о способах доставки рукописи. Гинзбург же в послесловии начинала с истории «Крутого маршрута»: «В сущности, эта книга жила со мной больше тридцати лет. Сначала как замысел, потом как постоянное писание вариантов, перечеркивание целых больших кусков текста, поиски более точных слов, более зрелых размышлений».

Далее рассматривался вопрос подготовки самой публикации. Работа продолжалась и после изданий за границей: «Особенно это относится к той части книги, которая не угодила в опубликованный на Западе в 1967 году томик. Ведь жизнь продолжается, маршрут мой хоть и утратил за последние два десятилетия свою исключительную крутизну, но все же остается достаточно гористым. Да и возраст подошел предельный. Тот самый, когда сознание исчерпанности всего личного, беспощадная ясность по поводу отсутствия для тебя завтрашнего дня дарует тебе неоценимые преимущества: объективность оценок, а главное – постепенное укрепление от того великого Страх, который сопровождал моему поколению в течение всей его сознательной жизни».

Гинзбург подчеркнула, что ей всего более важен факт издания дополненной книги. Остальным можно и пренебречь: «Поэтому я и решила больше ничего не переделывать. Даже в отношении стилистической правки. Пусть останется все так, как сказало, потому что даже погрешности стиля отражают то особое состояние души, в котором все это писалось».

Согласно послесловию, Гинзбург приступила к работе в 1959 году. Не прошло и трех лет, как первая редакция была завершена. Оставалась главная проблема – цензурные препятствия. Но после XX съезда партии возникла иллюзия, что ситуация изменилась: «Теперь я работала регулярно по многу часов, не ленилась сидеть за машинкой после утомительного редакционного дня. Теперь мне светила вполне определенная цель – предложить эту рукопись толстым журналам. Может быть, “Юности”, где я уже печатала свои очерки? Или – чем черт не шутит? – даже “Новому миру”, где уже появился к тому времени “Иван Денисович”?».

Солженицынская повесть – своего рода символ «оттепели». Но Гинзбург отметила: «Увы, вместе с надеждами на публикацию родился в моей душе и внутренний редактор, удививший меня на каждом абзаце своим обычным – “этого цензура не пропустит”. И я начала искать более обтекаемые формулировки, нередко портила удавшиеся места, утешая себя тем, что, мол, подумаешь, одна фраза – не такая уж большая жертва за право быть напечатанной, дойти наконец до людей».

Последствия такого рода цензуры были осознаны позже. И Гинзбург констатировала: «Все это очень отразилось на первой и начале второй частей “Крутого маршрута”».

Надо полагать, «внутреннего цензора» удалось победить в ходе подготовки к публикации второй части. Наконец, обе были завершены.

Гинзбург, по ее словам, обратилась в «Новый мир» и «Юность», ну а далее уже не контролировала ситуацию: «Как только рукопись попала в редакции двух популярнейших толстых журналов, началось пятилетнее плавание ее по бурным волнам самиздата. Рукопись, с кото-

⁶³ Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mondadori. 1979. С. 375–376.

рой снимались десятки, а может, и сотни копий, с фантастической быстротой размножалась и переходила границы Москвы. Когда я начала получать читательские отзывы из Ленинграда и Красноярска, из Саратова и Одессы, я поняла, что совершенно утратила контроль за удивительной жизнью моей ненапечатанной книги».

Вскоре, по словам Гинзбург, ей сообщили о своих впечатлениях и писатели. Среди них – Эренбург, Каверин, Паустовский, Чуковский, Солженицын. Были не только письма, «дарили также авторские экземпляры книг с трогательными автографами».

Известность ширилась. Гинзбург сообщила: «Между тем, пока я работала над окончанием книги, первая часть распространялась самиздатом во все возрастающей геометрической прогрессии. Один ленинградский профессор – специалист по истории русской бесцензурной печати – сказал мне, что, по его мнению, по впечатлению его наметанного глаза, моя книга побила рекорд по самиздатовскому тиражу не только нашего времени, но и девятнадцатого века».

Действительно, успех велик. Правда, Гинзбург отметила, что среди противников ее книги «оказался Твардовский. В то время как в отделе прозы “Нового мира” к моей работе отнеслись с сочувствием и пониманием, главный редактор почему-то подошел к ней с явным предубеждением. Мне передавали, что он говорил: “Она заметила, что не все в порядке, только тогда, когда стали сажать коммунистов. А когда истребляли русское крестьянство, она считала это вполне естественным”».

Гинзбург сочла неуместной иронию главреда. Ответила – годы спустя – довольно резко: «Тяжкое и несправедливое обвинение. Конечно, мое понимание событий до тридцать седьмого года было крайне ограниченным, о чем я и пишу со всей искренностью. Но услышав такой отзыв Твардовского о моей работе, я подумала, что вряд ли он прочел ее, а не просто бегло перелистал. Иначе он не мог бы не заметить, что вопрос о личной ответственности каждого из нас – основная моя боль, основное страдание. Об этом я пишу подробно в главе, озаглавленной “Меа culpa” (Моя вина). Но Твардовский не заметил даже этого заголовка».

Глава «Меа culpa» – во второй части. По общему счету она двадцать шестая. Там сказано: «В бессонницу как-то не утешает сознание, что ты непосредственно не участвовал в убийствах и предательствах. Ведь убил не только тот, кто ударил, но и те, кто поддержал Злобу. Все равно чем. Бездумным повторением опасных теоретических формул. Безмолвным поднятием правой руки. Малодушным писанием полуправды. Меа culpa... И все чаще мне кажется, что даже восемнадцати лет земного ада недостаточно для искупления этой вины».

В любом случае новомирский главред отверг «Крутой маршрут». Однако надежда оставалась. По словам Гинзбург, в «редакции “Юности”, где меня много обнадеживали, рукопись тоже залежалась. А время между тем работало против меня. Все яснее становилось, что на эту тему наложено табу. И наконец в один прекрасный день редактор Полевой в разговоре со мной воскликнул: “Неужели вы всерьез надеялись, что мы это напечатаем?”. После чего “Юность” переслала мою рукопись на хранение в Институт Маркса – Энгельса – Ленина, где, как писалось в сопроводительной бумажке, “она может явиться материалом по истории партии”».

Попытки легально издать «Крутой маршрут» оказались неудачными. В связи с чем Гинзбург сообщила: «Таким образом, к концу 1966 года все надежды на какую-то, кроме самиздатовской, жизнь книги были погребены. И то, что произошло дальше, было для меня не просто неожиданностью – фантастикой!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.